

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ОНА ВСЕГДА
С ТОБОЙ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Она всегда с тобой
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24066693
Она всегда с тобой. Роман: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-105465-6

Аннотация

Любовница, любовник – кого сейчас этим удивишь? Но человеческие слабости являются источником дохода мошенников. А кто первым ступил на путь шантажа? Наверное, это было еще в каменном веке, однако... шантаж так и остался популярным средством достижения целей. А если цель становится непонятной – как быть?

Героиня романа Майя попадает в тяжелое положение: кто-то узнал ту правду, которую она тщательно скрывает. Конечно, есть и те, кто давно знал, что у Майи есть любовь на стороне, именно любовь, а не пошленькая временная связь, тем не менее подозревать друзей в нечистоплотности как будто глупо.

Майю начинают изматывать посланиями, в которых читаются явные угрозы, что правду о ней узнает муж. И конечно, за молчание шантажист требует весьма круглую сумму. Майя

решается отдать деньги. И это была ее ошибка, потому что шантажист подает знак, что его не деньги интересуют, у него другая цель... А вымогательство – это так, развлечение.

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	18
3	33
4	53
5	72
6	86
7	106
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Лариса Соболева
Она всегда с тобой
Роман

Издан в авторской редакции

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая

Всего пять слов

1

– Плесни еще кофейку, – не глядя, протянул чашку Станислав.

А чашку никто не взял. Он оторвал взгляд от ноутбука, перевел глаза на жену, которая сидела напротив. Странно сидела – как изваяние, держа пальцами обеих рук свою чашку у губ и глядя широко распахнутыми глазами куда-то в пустоту. Глаза у нее потрясающие: дымчатые, при ясной погоде в них появляется легкий бирюзовый оттенок, при пасмурной – стальной. Сегодня погода – что надо: весеннее солнце ворвалось через окно, оставив бесформенные отметины на стенах, кухонных шкафах, на полу. Иногда на этих желтых пятнах танцевали длинные тени, но это ветер беспокоил ветки деревьев за окном, а те отражались в квартире. Да, глаза у Майи выразительные, однако не сегодня, сейчас они – как в пасмурную погоду.

Она не услышала мужа, жена явно не здесь, а где-то. Странновато, потому что задумчивость не ее состояние, тем более в весьма глубокой степени, когда полностью отключа-

ются слух и зрение. Обычно Майя противоположность задумчивости, меланхолии, хандре, но в ней есть и парадоксы. При всей ее общительности, приветливости – черты, характеризующие всего лишь хорошее воспитание, – она холодно-ватата, лишних эмоций не выдаст, от спора предпочтет уйти, оставшись при своих интересах. А с посторонними вообще держится отстраненно. Ей тридцать четыре, но она не обабилась, не расплылась, превратившись в нечто бугристое, желеобразное и обвисшее. Нет-нет, Майя в прекрасной форме.

Но пора было привести ее в чувство. Станислав слегка постучал краем дна чашки по стеклянной поверхности стола, привлекая внимание супруги, она и на этот раз не отреагировала.

– Майя! – пришлось ему повысить голос.

Вздрогнула, отчего кофе из ее чашки выплеснулся на блузку и стол. Вот теперь она очнулась и, вытирая салфеткой блузку, заворчала:

– Черт, как я... Ты напугал меня!

– Я обращался к тебе несколько раз, – сказал Станислав, снова уставившись в комп, – но ты же не реагировала! В чем дело? У тебя проблемы?

– Небольшие. На работе.

– А что так?

– Да пока только слухи о каком-то уплотнении... считай, сокращении... О, я опаздываю! – взглянув на часы, висевшие на видном месте – над входом в кухню, подхватила

жена. – Мне еще переодеться нужно. . .

– Кофе налей! – снова протянул он пустую чашку.

– А тебе разве не надо на работу?

– Я могу еще часок поработать дома.

Станислав получил свой кофе и погрузился в писанину на мониторе, а Майя умчалась.

* * *

Сегодня она вела машину нервно: в последнюю секунду замечала сигналы светофоров, проезжала повороты, резко тормозила перед «зеброй», едва не сбив пешехода. Свернув в переулок, Майя быстро припарковалась, к счастью, улица не была забита автомобилями, и заглушила мотор. Нужна пауза, чтобы собраться, привести внутренний метроном в норму, свыкнуться с опасностью, а это трудно, главное, непривычно.

В русском языке есть два практически одинаковых по смыслу слова – «соврать» и «солгать», сегодня они представлялись Майе совершенно разными по значению. Что такое – соврать? К примеру, придумать причину, чтобы не пойти на вечеринку к друзьям Стаса, которых Майя недолюбливала из-за низкого пошиба, завышенных самооценок и ни на чем не основанной амбициозности. Или: опаздывая на работу, звонишь и несешь чушь про заболевшую тетю, которой нужно завезти лекарства, а настоящая тетя живет в другом

городе. Короче, вранье – это мелочь, бытовуха, по большому счету от него никто не страдает и к вранью волей-неволей прибегает каждый.

А солгать – значит выйти за рамки обозначенных границ пристойности, причем сознательно. Это и преступить, и утаить, и предать. Солгать – серьезное действие, потому что несет в себе разрушительный заряд, который способен уничтожить все хорошее, что окружает. Далекое не безобидное слово. Так вот Майя солгала. Мужу. И не первый раз. На работе-то как раз все в порядке...

Вчера где-то под вечер редактор музыкальных программ, шустрый и вечно взлохмаченный паренек Антоша, забежал в ее кабинет и кинул на стол конверт:

– Это тебе от поклонника. Ух ты... что это такое?

Он плюхнулся на стул, цапнул лежащий на тарелке каштан в зеленой треснувшей оболочке, из трещины выглядывала темно-коричневая кожура. Антон повертел, рассматривая каштан со всех сторон, будто никогда не видел ничего подобного. Разрезая конверт пилкой для ногтей, Майя улыбнулась ему, ответив:

– То ли пирожное, то ли печенье. Знакомый приехал из Прибалтики, презентовал. Ешь, ешь. Это вкусно...

– Ух ты, блин!.. А я гадаю: настоящий или пластмасса?

Сунув в рот весь каштан, Антоша что-то невнятно пробормотал, наверное, слова благодарности и восторга, затем убежал. А у Майи в этот момент замерло сердце, дыхание

перехватило, она до сих пор не может отдышаться – грудь словно стянули широким ремнем. На белом листе бумаги, который она достала из конверта и развернула, было отпечатано заглавными буквами:

«Я ЗНАЮ ПРО ТЕБЯ ВСЕ»

Ни подписи, ни штампов на конверте, только надпись: «Радиоцентр. Смолиной Майе Андреевне». Она схватила конверт и ринулась к Антоше, он уже был в студии и готовился к эфиру – все его действия Майя видела через панорамное стекло. Стучать бесполезно – стекло двойное, в студии идеальная шумоизоляция, слышен только звонок, но когда его не отключают.

Майя позвонила – да, сигнал пошел, но у Антошки на голове наушники, он не слышал. Она облокотилась спиной о стеклянную поверхность – должен же он заметить ее, когда запустит в эфир следующий номер! И снова перечитала послание. Потом еще, еще и еще...

Пять слов. Пять слов, а информации в них заложен вагон, она понятна, как лапоть. При всем при том инфа неполная.

Майя оглянулась. Антон что-то весело балаболит в микрофоны, почесывая лодыжку. Наконец, нажал на кнопку пульта, откинулся на спинку кресла – в запасе от трех до пяти минут, пока идет музыкальный номер. Но вот беда – Антон не снял наушники, стало быть, звонить не имело смысла. Черт, и сидел в профиль, хотя начальство сто раз приказывало располагаться лицом к окну, ведь в радиоцентр при-

ходят гости на интервью, их нужно видеть, чтобы вовремя запустить в студию.

– Чертов анархист! – в сердцах произнесла она.

Следовало обратить на себя внимание каким-нибудь крупным движением. Недолго думая, Майя сняла легкий пиджак ярко-желтого цвета (как раз то, что надо) и замахала им перед стеклом, рисуя полукруг и надеясь, что Антоша заметит мелькание или хотя бы светотени. Нет, не замечал! На улице светлым-светло, ведь сентябрь только начался, световой день еще длинный, в студии полно света. А из темного коридора, освещаемого электричеством, какие светотени могут попадать в студию?

В такт музыки из наушников Антон двигал подбородком вперед-назад где-то с минуту... и совершенно случайно повернул скуластое лицо в сторону окна. Вытаращился, видя манипуляции Майи, она уже махала ему, мол, иди сюда срочно. Антон показал ладонью, мол, подожди. Через пару минут, отбарабанив вставку между номерами, вышел к ней:

– Че стряслось?

– Кто тебе это дал? – спросила Майя, подняв к его носу конверт.

– На ресепшене внизу. Мне передала конверт девушка по имени Мила. Она и правда милá...

– Но ты сказал, письмо от поклонника...

– Да я так, от булды ляпнул. Предположил, мол, от поклонника, наверно. А что? Что-то серьезное?

– Нет... просто... без подписи. Ладно, я пошла.

– А че в письме-то? Че ты всполошилась?

Она помахала ему ручкой, не оглянувшись. Майя спустилась вниз, воспользовавшись лифтом, за ресепшен-стойкой находились две девушки в темно-бордовой униформе и белых блузках. Выяснив, кто есть из них Мила, Майя задала волнующий ее вопрос:

– Не скажете, кто передал для меня этот конверт?

– Не видела, – ответила девушка. – Я в туалет ушла, а когда вернулась, конверт лежал на столе. Я отдала его Антоше.

– А... э... – указала пальцем Майя на вторую девушку.

– Света как раз ушла на обед, – пояснила Мила. – Меня не было минуты три всего лишь... Извините.

– Спасибо, – бросила огорченная Майя и вернулась в свой кабинет, который делила со второй дикторшей по имени Снежана.

Вот такая история приключилась. Неприятная, надо признать. Намек она поняла, но от кого он? Что этот человек хочет? А он (она) явно чего-то хочет, иначе не писал бы. С той минуты, как Майя получила послание, она жила только письмом, чувствуя свою беспомощность. Это ужасно, когда от тебя ничего не зависит! Ты не знаешь дальнейших шагов неизвестного и ничего не можешь предпринять в свою защиту, хотя понимаешь, что это только начало.

И вдруг только сегодня утром, сидя в автомобиле на тихой улочке, где никто не мешал пересматривать ситуацию,

ее осенило:

– Неизвестного? Но есть же видеорекамеры!

Едва мелькнула надежда, Майя завела мотор и выбралась из переулка, с трудом попав на главную проезжую часть, где машин море и еще чуть-чуть. Добралась она вовремя и буквально в последнюю минуту вскочила в студию под брань координатора Наны. Поделом, ведь за малым не опоздала.

Майя диктор – новости, реклама, интервью на ней. У Майи идеальная дикция и красивый низкий тембр голоса, она умеет задушевно вести беседы, да и новости подает не скупно, а вносит толику сопереживания, что нравится слушателям. Снежана ведет передачу «Женский мир», которую сама стряпает от «А» до «Я», тоже начитывает рекламу, иногда заменяет Майю на новостях.

Впервые отбарабанив текст довольно сухо (как большинство дикторов, без изюминки), она помчалась к охране и попросила показать вчерашнюю запись.

– Простите, а зачем вам? – поинтересовался охранник.

– Вчера для меня оставили письмо на ресепшен, я хочу знать, кто это был.

– Вам угрожали?

Да! И надо быть идиоткой, чтобы не догадаться: послание – фактически угроза, но пока эта угроза чисто умозрительная, интуитивная. Может, все не так печально?

– М-м-м... нет, – ответила Майя. – Просто письмо странноватое.

– А вы представляете, какой в этом здании проходной трафик? Здесь ваш радиоцентр, офисы, спортклубы, фото-студия, аудиторская фирма, рестораны, внизу магазины... И практически каждый входящий подходит к администратору.

– Нет-нет, не надо просматривать все отснятые кадры, найдите место... думаю, оно одно, ведь обычно за стойкой всегда кто-то есть... – Кажется, он плохо понимал ее сбивчивую речь. – Ну, место, когда за ресепшен-стойкой никого не было. Пожалуйста...

Охранник усадил ее перед монитором на столе, а вообще-то в комнате охраны целая стена из мониторов, повозился с техникой, затем сел рядом и запустил запись в ускоренном темпе. Довольно скоро он нашел место, где стойка пустовала, и сказал:

– Смотрим с той минуты, как Мила ушла, да?

Обозрение отличное – вид сверху и сбоку. Вот к стойке подошел солидный мужчина, затем еще мужчина, оба переговариваются. Подошла женщина в очках, вязаном ажурном пальто серого цвета и белой шляпе с широкими волнообразными полями, уложила локти на стойку, что-то спросила у мужчин... Ага, те пожали плечами, надо полагать, тем самым ответив на вопрос – где админы? Женщина поставила сумочку и... заслонила ее своей шляпой. Несколько секунд спустя ее рука в белой перчатке положила конверт на стол, для чего женщине пришлось перегнуться через стойку, после она неспешно удалилась.

– А нельзя увеличить?.. – Майя обвела в воздухе указательным пальцем свое лицо не в силах выговорить до конца фразу. Разволновавшись, она буквально теряла дар речи, отчего становилось неловко.

– Можно, – ответил охранник.

Он выбрал ракурс не у стойки, так как большую часть кадров шляпа закрывала лицо, а когда женщина подходила. И что Майя увидела? Да ничего существенного: очки огромные, как у стрекозы глаза, закрывают добрую половину лица, лоб тоже закрыт – полями шляпы. Остается нижняя часть: пухлые губы, немного выпуклые скулы, подбородок... а его нет, его закрыл легкий шарф, небрежно намотанный на шею, стального цвета. Что еще... брюки и туфли темно-серого цвета. «Классные» приметы! То есть полное отсутствие каких бы то ни было опознавательных признаков. Теперь даже встретившись с этой дамой нос к носу, не вычислишь ее хотя бы по овалу лица, который можно забить в память, но не забьешь – нечего забивать.

– Отпечатать? – предложил охранник.

– Пожалуй, – неуверенно сказала Майя.

Он отдал ей два варианта портрета – на весь формат А4 и уменьшенную копию в полный рост, но, когда Майя взялась за листы, придержал их со словами:

– Если есть проблемы, обращайтесь, чем смогу – помогу.

Вот теперь она внимательно взглянула на этого человека, с которым иногда здоровалась, не зная ни его имени, ни фа-

мили. Ему нет сорока, где-то тридцать пять или тридцать семь, высокий, под униформой явно крепкие мышцы, как и положено охраннику. Серьезный. Очень серьезный. Лицо такое... не инфантила, нет, конечно. Но и к брутальным парням на обложках модных журналов тоже не имеет отношения, те все равно приторно-сладкие. Несмотря на то что глаза небольшие и широко посажены, под густой челкой темных волос высоту лба не видно, а щеки закрывает трехдневная щетина, в его лице есть нечто располагающее. Обычно таким людям доверяют, однако у Майи особый случай. Она дежурно кивнула, не собираясь прибегать к его помощи, но он окликнул ее:

– Пойдите! Вот, возьмите.

Она обернулась. Охранник протягивал визитку, делать нечего, пришлось взять вместе с устной инструкцией:

– Номер выучите наизусть или забейте в мобилу, а лучше то и другое. Звоните в любое время суток лично мне по первому номеру. Кажется, вас зовут Майя Смолина...

– Да. Скажите... – Она улыбнулась этому милому, заботливому человеку, который, в сущности, нашел дойную корову, ведь на ее проблемах можно неплохо заработать. – Неужели у меня на лице написано, что я нуждаюсь в экстренной помощи?

– Именно. – А вот он остался серьезен. – Вы даже не смогли скрыть, что напуганы, это видно за версту.

– Вам показалось, просто я... чуть не опоздала на эфир...

из-за пробок... получила втык... Это стресс, не более... До свидания.

Поднимаясь в лифте на девятый этаж, она читала визитку: Тимофей Викторович Троянов (ой, как вирус!), детективно-охранное агентство «Дракон» – у, как страшно! Машинально Майя сунула визитку в карман пиджака и посмотрелась в зеркало лифта... Видок не айс. Бледная, осунувшаяся, с темными кругами под глазами – последствия бессонной ночи налицо, а впереди целый рабочий день и параллельные думы о женщине в серо-белых тонах.

Кто она? Зачем ей это? Когда еще даст о себе знать и что будет написано в следующем письме? Так и провела Майя весь день, изредка выдвигая ящик стола, где лежали отпечатанные кадры с видеозаписи, и «любуйась» тщательно замаскированной дамой. Впрочем, при подробном исследовании снимков она могла с уверенностью сказать, что женщина молодая – кожа у нее гладкая, явно ухоженная, носогубных складок нет, а возраст именно они выдают, когда все остальное закрыто. Кстати, одежда на ней приличная, впрочем, пальто она могла и сама связать. А что это может значить? Ровным счетом ничего...

2

– Майя!.. Майя!..

Голос мужа врезался в мозг, словно пылающая стрела – до боли, напоминавшей жжение. Майя прилегла отдохнуть в спальне и заснула, а Стас разбудил резким окриком, у него жуткая манера – оповещать о своем прибытии ором. Слыша его шаги на лестнице, она нехотя села на кровати, протирая лицо и глаза, заодно тщетно пытаюсь вспомнить, какое сейчас время суток.

В голове сплошной кавардак, после письма из пяти слов все перемешалось. Майя постоянно чувствовала себя под прицелом, так и мания преследования может развиваться, а там и до шизофрении недалеко. Два дня прошло, писем она не получала, но это пока. Да-да, пока! Письма будут, будет банальный шантаж – ради этого и затеяна интрига, а сейчас Майю берут измором: кинули записочку и наверняка наблюдают за ее рефлексамии. Почему-то она уверилась, что это не один человек, хотя никаких поводов к тому не было.

– Ты здесь! И не одета?! – появился Станислав.

– Не одета?.. – напряглась Майя. – Мы куда-то собирались?

– Здрасьте! – бросил Станислав с нескрываемым раздражением. – Нас пригласили на открытие выставки, а ты спишь тут...

– А! – вспомнила Майя, стукнув себя по лбу ладонью. – Опять художники. Угу. Современное искусство. Не хочу.

В это время Станислав отодвинул дверцу встроенного в стену шкафа, намереваясь выбрать костюм, раз жена не удосужилась приготовить мужу соответствующую случаю одежду. Но когда услышал «не хочу», развернулся к Майе и, поставив руки на пояс, отчитал:

– Дорогая моя! Я, может быть, тоже много чего не хочу, да кому ж это интересно? Надо.

– Кому надо?

– Мне. Тебе. Нашей семье. Ты же знаешь, выставки – это кипящий котел. Туда приходят уважаемые и состоятельные люди, это место полезных знакомств, договоров, сделок. Поднимайся, поднимайся... Будешь хорошо себя вести, куплю картинку вон на ту стену.

– С этой выставки не хочу картинок.

Майя опустила ноги и искала ступнями тапочки. Мрачная тень легла на ее лицо, она предвидела фальшивые улыбки знакомых, глубокомысленные и бессмысленные фразы по поводу новых течений в живописи, в которой ни она, ни они ни черта не понимают и понимать не хотят. Будет игра в высший свет, пока какая-нибудь курица не выпьет бутылку шампанского и не начнет разговаривать матами, выдавая их за юмор. Непроизвольно она заворчала:

– В общем, вечер будет убит наповал.

– Ты же еще не видела новых работ, – тем временем сказал

Стас.

– А я заранее знаю: мне ничего не понравится.

– С таким настроением лучше не ехать.

– А давай ты поедешь один? – подхватила Майя, бросив перебирать вещи в поисках платья.

Но Станислав, в котором внезапно проснулся любитель изобразительного искусства, остался непреклонен, застегивая рубашку, он бросил всего одно слово:

– Собирайся. Кстати, где мальчики?

– Сегодня пятница. (Он не понял.) Мальчики на айкидо, дедушка их заберет, субботу и воскресенье они проведут на даче.

– Я не вижу детей сутками, – вздохнул Станислав.

– Между прочим, у Данилки аллергия, ему нужен свежий воздух круглосуточно. Но тебе, видишь ли, мои родители не по нраву, а они высвобождают нам кучу времени и незаслуженно обожают тебя.

– Злость тебе не идет, – дал заключение Станислав, завязывая галстук и оставаясь спокойным.

Так часто бывает: чем больше злится Майя, тем спокойней становится муж – реакция, свойственная энергетическим вампирам. А он иногда злил ее без меры, стоило больших усилий сдерживать себя, чтобы не закатить скандал. То приказы отдает, будто она его подчиненная, то капризничает, забыв, что уже взрослый мужик, которому стукнуло сорок лет, то зануда – каких свет не видел... Нет, занудище! И

это его основное качество. В быту абсолютно беспомощен, не знает, с какого бока к утыгу подойти, чтобы погладить рубашку – ведь обстоятельства всякие бывают. А производит впечатление крутого чиновника, к которому не подступишься, несмотря на внешнее несоответствие: сухощавое телосложение и простецкую физиономию с тонкими чертами. Вроде как бы и нет солидности, а при первом знакомстве его воспринимают большим начальником – смешно просто. Главное, пыль в глаза пустить, Стас умеет это делать и держится королем.

Она выбрала черное платье с открытыми плечами, плотно сидящее на фигуре. Волосы уложила в стиле шестидесятых годов прошлого века эдакой ракушкой. От природы Майя шатенка, но чтобы выделить свои замечательные глаза, красит волосы в темно-шоколадный цвет – эффект сногшибательный.

– Мрачновато, – покривился муж.

– Это траур по убитому времени.

– Серьги надень.

– Какие?

– Те, что я подарил тебе на пятинадцатилетие нашей свадьбы.

Бриллиантовые серьги с изумрудами – красота, разумеется, и страшно, нет, безумно дорогие. Только Майя не любила, когда к серьгам приковывались взгляды баб, которые от зависти алчно облизывались, на выставке так и будет.

- Стас... – сморщилась она. – Они слишком сверкают...
- Вот и прекрасно. Моя красавица жена должна сверкать.
- Я буду думать только о своих ушах, чтоб не дай бог...
- Разбавь, разбавь сверканием черноту.
- Как скажешь. – Майя обняла мужа за шею, улыбалась,

заодно заглаживая вину за недавние нехорошие мысли на его счет. – Но, милый, стиль Total Black Look¹ беспроеигрышен, всегда в тренде.

– Уговорила, я смирился. Но серьги надень.

С другой стороны, какого черта она предъявляет претензии к мужу, пусть мысленно, но предъявляет. Стас любит ее и детей, он не жадный, отходчивый, семья для него важная составляющая в жизни, пожалуй, важней бизнеса, кстати, муж бизнесмен. Вилл и яхт за бугром у них нет, как и личных самолетов с вертолетами, и вряд ли будут, но достаток вполне приличный, денег хватает. Само собой заслуга в том Станислава, он пашет как вол, отчета, куда она потратила деньги, не требует, а ее зарплаты хватает на бензин и кофе в ресторане внизу. Положа руку на сердце, жаловаться ей грех, скорее, занудище она! Впрочем, Майя и не жаловалась.

* * *

Если раньше, попадая на презентации и выставки, Майя

---

¹ Данный стиль предлагает использование только черного цвета в костюме.

все же отдыхала от суетной повседневности, то сейчас, войдя в зал галереи и оглядев присутствующих, вспомнила о письме. А если курьер одна из этих – благополучных и не очень, ищущих мешки с деньгами, или пришедших сюда, чтобы лишний раз поумничать? От скуки и зависти чего только не сделаешь.

Вон та блондинка в красном платье задержала взгляд на Майе... с чего бы? Они незнакомы. Серьги увидела? Вряд ли, расстояние большое... но они же сверкают за километр, особенно под электрическим светом! Блондинка отвела глаза, уставилась на полотно с кубиками.

А та девица в окружении трех толстяков, хохочущая, как заводная игрушка? Могла согласиться передать письмо? Могла. И тут же Майя поймала себя: какие глупые мысли лезут в голову! Этих девиц она видит первый раз в жизни, между ними нет и не может быть вражды.

– Стас! Майя! – прервал ее панически-логические рассуждения знакомый женский голос.

– Твоя любимая страхолюдина, – буркнул Стас, отворачиваясь.

К счастью, он заметил знакомых и поспешил к ним, фактически сбегаая от общения с подругой жены. А Майя... Уж этой даме в сиреневом костюме, с крупными аметистами на пальцах и в ушах она действительно рада, потому ринулась навстречу обнимать подругу:

– Галина! Наконец-то! Как бабушка?

– О, бабушка! – закатила глаза к потолку та. – Я долго не приезжала, она соскучилась и просто соврала, что умирает! Представляешь?

Каково, а? Соврала, а не солгала! Разница слов очевидна и... и в этом проблема. Майя старалась забыть о письме и лжи хотя бы на время, но, как назло, что-нибудь да напоминало.

Обычно люди сходятся примерно одного возраста или с небольшой разницей младше-старше, а Галина опередила подругу, родившись на двадцать лет раньше. Правомерный вопрос: сколько же лет бабушке, если внучке пятьдесят четыре? Девяносто шесть! Галина гордится ею, всем показывает ее фото и при этом врет, что ей самой тридцать девять. Кому от ее вранья плохо? Никому. Галина умна, умеет зарабатывать, у нее отличный вкус, следовательно, одеваться тоже умеет, выдерживая стиль, один недостаток есть – внешность. Она действительно некрасива, если смотреть на нее с позиции не очень обремененного культурой и умом обывателя. Иной раз Станислав демонстрирует именно эти качества, тем самым жутко злит жену. Но Галина при том, что у нее длинное лицо, длинный нос, малюсенькие глазки посажены близко к носу и довольно большой рот, замужем побывала бесчисленное количество раз! Мужей выгоняла, когда они надоедали, ей трудно угодить. После она наслаждалась свободой, потом и свобода надоедала. Есть в ней изюминка, есть шарм, есть то, что притягивает, но не объяснимо ника-

кой логикой.

– Твоя бабушка прелесть, – взяв под руку Галину, увлекла ее Майя на прогулку по залу. – Слушай, ты мне очень нужна, у меня... проблемы.

– Так давай найдем укромный уголок...

– Нет-нет, – перебила Майя, – здесь нельзя.

– Почему? – подняла тонкие брови Галина, выщипанные еще в пору юности, мода изменилась, а брови так и не отросли.

– Боюсь случайных ушей, – потупилась Майя.

Галина остановилась, одной рукой развернула к себе подругу и с беспокойством спросила:

– Боишься? А в чем дело? Вижу, ты сегодня какая-то не такая. Нервическая. Что случилось?

– В двух словах не получится. Давай встретимся, м-м? Ой, смотри, шампанское раздают. Идем? Сейчас как напьюсь...

– Напьешься?! Ты меня пугаешь, – вновь остановилась подруга.

Да, Майя не любитель выпивки, даже шампанским ее далеко не всегда соблазнишь, а тут... Видя обеспокоенное лицо Галины, она рассмеялась и потянула ее за руку:

– Идем, идем... Я так рада, что ты вернулась!

Обе ходили по залам, попивали шампанское, к счастью, у них неизменно находились темы для болтовни помимо современной живописи, которую обожала Галина. Обычно не хватало времени, чтобы обсудить кучу важных тем, Майя

вечно куда-то спешила, но и здесь им не дали пообщаться.

– Галина Сергеевна, – сказал за спиной молодой человек робким голосом, – вы не могли бы посмотреть мои работы?

Долговязый парень лет двадцати пяти с козлиной бородкой и неопрятными кудрями до плеч извиняющимся тоном продолжил, когда женщины к нему повернулись:

– Мне сказали, самый крутой ценитель здесь – вы.

– Милый юноша, – проговорила Галина, осматривая его с головы до ног жалостливым взглядом, – я не галерист.

– Вы больше, – заверил молодой человек. – Когда вы обращаете внимание на работы, их успешно продают. Вы талисман. Мне так и сказали: талисман.

– Серьезно? – не обрадовалась Галина. – Значит, я талисман... Предмет, хм, неодушевленный. Ну, ладно, показывайте... что вы там наваяли.

Он повел их в дальний зал, настраивая на просмотр:

– Мое направление – фэнтези... Слышали имя – Фрэнк Фразетта?

– Нет, мой друг, не слышала, – ответила Галина. – Я дилетант.

– Про вас говорят обратное, вы ценный критик. Просто я работаю в стиле Фразетты, но вношу в этот жанр свое. Это жизнь и смерть, вечная противоположность, вечный конфликт.

Работы оказались любопытными, в смысле выполнены мастерски, но сюжеты какие-то детские (по мнению Майи), за-

то красочные. Средневековые рыцари с пустыми глазницами, мечи, змеи, огонь и ночь, капюшоны, плащи... Галина с интересом ходила от полотна к полотну, картин было немного, всего шесть штук, а молодой человек следовал за ней хвостиком, наконец, она сказала:

– Ну, жизни я тут не вижу, а вот смерти... сколько хочешь.

– Это направление такое... – растерялся художник.

– А рисунком вы владеете неплохо, юноша. Неожиданно, знаете ли... обычно школа у молодых художников сильно хромает. Вот если бы вы писали что-то более мирное... Мда, из вас выйдет толк.

– Вот вы где! – К ним стремительно шел Станислав. – Ого, Галина свет Сергеевна открыла новое дарование?

– Ты знаешь, да, – ответила она с вызовом. Галина недолюбливала Стаса (это взаимно), случалось, вступала с ним в полемику, похожую на перепалку, и, как правило, побеждала, потому что умнее. – Мальчик весьма талантлив.

– Да ну? И тебе, Майя, нравится?

Жена пожала плечами, дескать, не определилась, а молодой человек огорчился, однозначно он рассчитывал на дифирамбы. Компания пополнилась, к ним присоединился Аркадий Трухан, человек-паук, у него сеть аптек – натуральная паутина в городе. Стало быть, и денег у него вагон – люди же любят покупать лекарства. Аркаша в приятельских отношениях со Стасом, он как раз из тех, кому Майя не очень рада (мягко говоря), да деваться некуда. Трухан абсолютно без-

ликий, кстати, не из-за того, что белесый (включая брови и ресницами), у него и черты размытые, бледные. Имея невыразительную внешность, умные люди стараются выработать свой неповторимый стиль, подчеркивая индивидуальность, но он умудряется и одеждой обезличить себя, сделав ставку на классику: костюм-строгач, галстук, идеальная рубашка в мелкую крапинку, запонки, дорогие часы.

– Неплохо, неплохо... – с видом знатока сказал Аркаша, хотя в живописи он понимает ровно столько, сколько и Станислав.

А на которую он обратил внимание – бррр! Разумеется, изображена ночь – у мальчика везде ночь, удивительно мрачное ощущение жизни. В этой ночи – некий вихрь. В эпицентре обнаженная пара вот-вот поцелуется, их губы уже близко друг к другу, но юная дева смущена. Она скосила глаза на людской поток, люди и есть вихрь, их много, они скученны, кто в полный рост написан, а кого-то художник дал деталями. Собственно, это не люди как таковые, а скорей всего, их нутро, изъяны, пороки. Наверное, поэтому они и спрятаны за дымовой завесой, видишь их, когда хорошо присмотришься, ведь плохое не сразу рассмотришь, плохое в человеке не бросается в глаза до времени.

Итак, сюжетец изобиловал пороками... Нагая девица в откровенно похотливой позе лежит на ложе из мужчин, возможно, это трупы. Косматая старуха смотрится в зеркало, в котором она – юная и прекрасная, но хитрая и явно распут-

ная. Рыцарь в латах и без головы, голова в его руках – не поймешь, почему. Современный служащий, словно маньяк, уставился в компьютер, на его лицо падает свет от монитора, отчего он тоже похож на мертвеца. Жирная обнаженная бабища безобразна и похабна; старик в шляпе и где-то на периферии, он словно лишний тут; юноша с желтыми глазами хищной птицы достает нож из-за пазухи; мужчина в автомобиле с простреленной головой...

И в таком духе. Но не в этом фишка. Если присмотреться, собрать в одно целое все образы, то можно увидеть, что и вихрь не вихрь, это сама Смерть в традиционном плаще с капюшоном зависла над влюбленными и вот-вот обнимет их. Волосы юной девушки – о, ужас! – спутались с инструментом Смерти – косой, а поначалу этого не замечаешь, потому что коса частица вихря. И становится ясно: Смерть подобралась к двум белотелым влюбленным, она хочет кинуть их в свою мантию, где уже много скопилось человечков.

Жуть полная. Майя даже поежилась, рассмотрев сюжет и подумав: «Ну, почему, почему молодые художники с такими мрачными взглядами на мир?»

– Как называется? – осведомился Аркаша.

– Я не даю имен своим работам, – смущенно ответил молодой художник, разминая длинные пальцы. – Когда писал именно это полотно, думал о жизни, о том, как неумело мы живем, неумело и ограниченно. Но это мое внутреннее видение, а зрители по-разному воспринимают материал, мета-

форы... Кто-то увидит в моей работе совсем другой пласт.

– Логично, – закивал Аркаша со знанием дела, словно заправский критик, пятясь и одновременно любуясь картиной. – Это сильная вещь... она впечатляет. Я бы назвал эту работу... Когда Смерть обнимает!

– Вычурно, – не понравилось название Галине.

– Ну, тогда... Поцелуй Смерти. А? Как вам?

– Но здесь поцелуй двух влюбленных, он еще не состоялся, кстати, – возразила Галина, рассматривая картину по-новому, в некоторой степени пристрастно. – А Смерть ждет их поцелуя, точнее, она ждет какой-то ошибки, роковой оплошности. Любящие люди часто беспечны, не подозревают, сколько за их спинами таится зла... Не думаю, что мое название точное, но я назвала бы эту работу... «Она всегда с тобой».

– Мне нравится, – обрадовался художник.

Станислав не дружил с метафорами и прочими изысками из области искусств, не гонялся за смыслом в произведениях, он откровенно скучал и тайком позевывал. Дождался, когда наступила пауза, и тронул Майю за локоть:

– Поехали домой? Я что-то устал.

– Стас, купи работу мальчика, пока дешево продает, – предложила Галина. – Через десять лет на ней заработаешь раз в двадцать больше.

Он знал, что престарелой подруге жены можно верить – нюх у нее как у собаки-ищейки, а перспектива заработать,

даже такая призрачная, мгновенно мобилизовала ресурсы и прогнала сонливость. Станислав прошелся вдоль стены с работами этого художника, покивал одобрительно, наверное, чтобы не выглядеть дураком, но:

– Я подумаю.

– А ты, Аркадий? – не поворачивая головы к Трухану, спросила Галина. – Это наш Босх, ей-богу. Ну, с Босхом ты вряд ли знаком... Валехо! Его еще зовут Валеджио. Современный живописец и очень популярный.

– А я, пожалуй, склонен... Да! – ответил тот и повторил: – Да. Но сначала познакомлюсь с остальными картинами.

– Идем, дорогая? – потянул жену Стас.

Рановато муж решил уехать, тусовка в самом разгаре, до конца далеко, а ему домой захотелось. Майя, не ожидавшая увидеть в галерее Галину, не прочь еще побыть с ней, они не успели ни поболтать толком, ни договориться о встрече. Вероятно, свои дела Стас завершил или сегодня не нашел интересных для себя людей, в этих двух случаях он спешит домой к дивану и телику. Имеет право. Это Майя склонна к притворству, как любая женщина, а он – нет. Она будет мило улыбаться там, где требуется, умеет быть терпимой к занудам и покорной (иногда), в общем, она... почти святая!

– Галина правду говорила? – спросил Стас по дороге к выходу. – Этот пацан действительно талантлив?

– Стасик, ты, случайно, не собираешься стать коллекционером?

– Не язви. Я просто интересуюсь.

– Купить хочешь, – уличила Майя. – Предупреждаю, если ты приобретешь его картину, я тебя закопаю.

– Так талант же! Твоя Галка сказала, а она не ошибается.

– В нашем доме нет места этому... этому «апофеозу смерти», – рассердилась Майя на упрямого мужа. – У меня мороз по коже от его работ.

– Нарисовано классно...

– Написано, милый. Картины пишут. Но содержание... Все такое страшное, везде смерть, смерть... или ее прообраз. И ты хочешь повесить этот «ужас на крыльях ночи» в доме? Чтоб мы свихнулись все хором?

– Мы можем поставить в гардеробе. До лучших времен. Трухан Аркашка купит, а я нет?

Надо же, как его разобрало! Но у Майи один ответ:

– Нет!

3

Все же странно устроен человек: стоит немного пройти времени – и уже страшное послание, которое едва не довело до инфаркта, чудится чьей-то глупой шуткой. И постепенно ослаблялся ремень, сдавливающий грудь, и дышалось полегче, и думалось свободней, а то ведь в голове сидело «Я знаю про тебя все». Итак, за субботу и воскресенье эти слова слегка отделились, расплылись, тем более папа Майи привез детей – двенадцатилетнего Никиту и десятилетнего Данилу, а они мгновенно превращают дом в поле битвы.

Утром Станислав пообещал доставить не только мальчишек в школу, но и жену на работу, в ее машине застучал мотор. Всей семьей спустились вниз...

– В нашем ящике корреспонденция, – заметил муж, доставая ключи. – Наверное, газеты, которые еще в пятницу должны были принести... Ну, вот! Я же говорил! Жалобу накатаю. Я им покажу задерживать почту... А это тебе. Странное письмо, – вертел он длинный конверт, – адреса нет, штампов нет, только твое имя. Держи. Опять шизанутый поклонник!

Под кожей Майи забегали мурашки, она сразу поняла, что это за письмо. Собрав всю свою волю, чтобы не выдать волнения, Майя с видимым равнодушием забрала конверт и сунула в сумочку, удивив мужа.

– Даже не прочтешь? – бросил он, идя к выходу.

– Конечно, прочту. В перерыве между эфирами за чашкой кофе, сейчас некогда, – застегивая молнию на сумочке, сказала Майя, улыбаясь. – А что там может быть нового, чего я не знаю?

Улыбка – прием обезоруживающий и маскирующий при условии, если этим приемом умеют пользоваться, а она умеет.

– Никогда не понимал придурков, влюбляющихся в голос.
– Голос, Стасик, будит воображение, которое очень богато, оно рисует картинку, точнее – идеал в понимании человека. Конечно, за приятным тембром может скрываться дикая образина, но кто сказал, что образина не может стать идеалом? К примеру, алкаш не будет мечтать о роскошной диве, у него планка попроще. И мой поклонник по натуре мечтатель, полагаю, юн...

Черт-те что несла! И была безупречна притом – Майя видела себя со стороны, данная привычка свойственна многим публичным людям. Потом, когда мальчишки побежали в школу, награждая друг друга тумачами, она здорово разыграла заботливую мать, хотя голова была занята письмом в сумочке:

– Ты бы поговорил с ними, Стас! Растут какими-то дикарями. Займись, в конце концов, воспитанием! Выпори обоих, что ли!

– Это не метод, – бесстрастно крутил руль Станислав.

– А я для них уже не авторитет. Я мама, просто мама. Им

сейчас нужен отец – строгий и справедливый.

– Я не могу с ними строго, я лучше с тобой поругаюсь.

И подмигнул. Станислав в своем репертуаре: дом и семья святое, но заниматься ни тем ни другим желания не обнаруживает. Он зарабатывает. Создает условия, обеспечивает и считает, что свою миссию выполняет сполна. Раньше Майя страшно злилась на него из-за позиции отстранения, позже смирилась, понимая, что не всем дано успевать тут и там. А сейчас... сейчас конверт главное, больше ничего. У высотки, отражающей в стеклах серое небо, Станислав остановился и, когда жена открыла дверцу, сказал:

– Предупреди своего поклонника: если встречу, оторву ему руки-ноги. Твой муж в гневе страшен.

– Обязательно! – со смешком пообещала Майя, чмокнула мужа в щеку и побежала к зданию, где на девятом этаже находился радицентр.

В лифте был народ, открывать конверт она не рискнула, хотя никому нет дела, кто и что ей пишет, просто боялась выдать себя, боялась своего состояния после прочтения. По длинному коридору бежала, словно опаздывала на эфир, примчалась в кабинет, к счастью, Снежана еще не пришла. Плюхнувшись на стул, Майя разорвала конверт, развернула лист...

Ну, а чего она ожидала? Извинений за прошлое послание? Ха-ха! Достав телефон, позвонила... Галина долго не отвечала, она дама тусовочная, наверняка вчерашний воскрес-

ный вечер крутилась в каком-нибудь бомонде, теперь спит без задних ног. Пришлось позвонить еще раз.

– Да... – словно в подтверждение ее мыслям раздался сонно-тягучий голос Галины. – Ну, говори, Майка...

– Галя... – буквально выдавила она. – Галя, мне... мне нужно срочно с тобой увидеться. Пожалуйста...

– Срочно – это как?

– У меня эфир в девять, потом буду свободна и сбегу... Где мы можем увидеться?

– Ко мне приезжай.

– Много времени уйдет, пока доеду...

– Не мне же ехать к тебе! В мои «тридцать девять» привести себя в надлежащий вид – полдня нужно. Ты же знаешь, я даже за хлебом не выхожу ненакрашенной, чтобы народ не пугать.

Досадно! Да ничего не попишешь, Майя сдалась:

– Ладно. Я возьму такси. Просто жалко, что времени будет меньше, а проблема у меня крупная... кажется.

– Кажется? Уже интересно. А ты наври, что едешь к больной тете, у которой приступ... э... гипертонии. Могут мне позвонить, я подтверждаю.

– Тетя... тетя... Эта причина у меня была миллион раз.

– Значит, прокатит и миллион первый. Давай, родная, жду.

Эфир прошел без сучка и задоринки, по-другому и не могло быть, как ни тяжело, а профессионализм вытасчит из

любого состояния. Но заартачилась координатор, набычилась, ее грузинские глаза заволокло туманом негодования, когда Майя попросила на десятичасовых новостях заменить ее Снежаной:

– Смолина, ты надоела со своими инвалидами. (А Майя ни словом не обмолвилась по поводу «приступа тети».) Тети, дяди, дедушки... Перед новостями авторская Снежаны идет, нехорошо, когда в эфире две программы одним голосом подаются, шеф этого не любит и мне мозг потом вынесет.

– Нана, вали все на меня, – попробовала уговорить ее Майя. – Шеф пусть мне мозг выносит, я стерплю. Ну, очень надо. С меня шампанское. М?

– Иди к шефу и договаривайся с ним сама.

– Нана!..

Нет, координатор топала офицерским шагом, удаляясь вдаль по коридору, ее толстая задница пружинила вверх-вниз, словно прощально махала расстроенной Майе, оставшейся с носом. К директору идти на адовы муки не хотелось, он занудливей Стаса, а говорит – словно балладу сочиняет, а потом в конце (где-то через часик) заявит, что не разрешает замену. Решила самостоятельно договориться со Снежаной, коллеги обязаны выручать друг друга, но не ждала сюрприза с ее стороны:

– Ну, конечно, ты у нас в привилегированном положении, только тебе позволено исполнять свои обязанности, когда этого хочешь ты.

Майя обалдела. Нет, к тону не придерешься, тон почти нежный, но именно он подчеркнул отношение Снежаны к коллеге. Она девушка красивая, даже очень. И талантливая. О, еще молодая! Ей всего двадцать пять, а она уже умная, известная, успешная. Сочетание крайне редкое, наверняка подружки завидуют ей со страшной силой, тем более непонятно, с какого перепугу она нежно, почти лаская, нахамила Майе.

– Не поняла, – произнесла Майя. – Я тебя обидела? Когда?

– Я просто констатирую факт, – с едва заметным вызовом ответила Снежана, в ее кошачьих глазах сверкнуло маленькое торжество.

Майя и не подозревала, что эта девушка, сидевшая в одном с ней кабинете два года, так не любит ее. И почему это открылось только сейчас? В сущности, проблема не перво-степенная, опускаться до выяснения отношений дело недостойное, Майя сняла сумку со спинки стула, подхватила плащ и попрощалась без какой-либо интонационной окраски:

– Спасибо за помощь.

А через пару минут она трясла Антона буквально, схватив за джинсовый жилет и притянув к себе:

– Антоша, умоляю, спаси. Мне срочно нужно уехать часа на три... Это очень важно... вопрос жизни и смерти!

– А...

– С Наной я говорила. Ты же знаешь ее, она любит, чтобы

мы устраивали свои дела сами, чтоб никакой ответственности.

– А...

– Снежана не может. Не хочет. Здесь у меня один друг – ты. И ты мне поможешь, прочтешь эти дурацкие новости. Вот текст, подводки к рекламным паузам... Пока. Я тебя обожаю. С меня шампанское.

– Я пью пиво...

– Значит, пиво с меня. Самое лучшее. Упаковка.

Сунув текст ему в руки, она помчалась по коридору, про себя радуясь удаче, ее догнал голос парня:

– Я никогда не сидел на новостях!

– Когда-то надо начинать, – бросила она, развернувшись лицом к парню на секунду, а после скрылась за поворотом.

* * *

Забрав багаж, всего одну сумку, Борис вышел из здания аэропорта, огляделся... увидел: Миша бежит. Еще бы не увидеть – эдакую каланчу, недаром его баскетболисты звали в команду, но Михаил предпочитает участвовать в баскетбольной игре со стороны зрителей, активно болея, и вкалывать на заводе в качестве рядового сталевара. А чтобы бегать с мячом или поднимать штангу по многу раз в тренажерах, питая надежду, что когда-то (может быть) попадешь в сборную России... нет-нет, синица лучше журавля. Михаил

широко улыбался, собственно, как и Борис, оба были рады встрече, ведь не виделись целых три недели. Они поздоровались, обнялись, похлопывая друг друга по спине, и отправились к автомобилю на стоянке.

– Ну, брат, порадовал ты меня, – сказал Борис. – А то думал, неужели придется тащиться в автобусе?

– Ты бы еще позже сообщил, что прилетаешь, – фыркнул Михаил. – Тебе повезло, что у меня третья смена. Машина там, на углу. Новенькая! Красивейшая! Я люблю ее, как женщину, и даже больше.

С женщинами у него не очень, правда, Миша по этому поводу не парится, мужчин-то все равно меньше, на его долю женщин тоже хватает. У него простое лицо работяги, ничем не примечательное, разве что крупный и широкий нос привлечет внимание, но ненадолго. При таком росте иметь меньше по размеру нос даже несолидно. И как большой человек, Миша добр по натуре, немножко наивен, некоторые недобросовестные люди пользуются этим.

Другое дело Борис, он идеально пропорциональный, высокий (до Миши, конечно, ему далеко), спортивный. Но это не все, у него масса других плюсов. В тридцать один год мало успешных мужчин, а Боря успешный, IQ максимум, красив – вот уж боженька постарался так постарался. Естественно, женщины не обходят его вниманием, мало того, сами вешаются на Боря, забывая, что навязчивость отталкивает. А он – увы и ах! – не бабник, старается быть незаметным, короче,

скромный. Да как же не заметить эти густые ореховые волосы, зачесанные назад, и такие же ореховые глаза, теплые, заглядывающие в самую душу, отчего наступает временная амнезия?

– Дела-то как? – поинтересовался Михаил.

– Более чем, – почему-то с грустью вздохнул Борис. – Не на улице же хвастать, в машине расскажу.

– В машине?.. Борь, ты это... – застопорился ни с того ни с сего Михаил, почесывая за ухом. – Короче... я не смог... В общем, там в машине... эта... хм...

Услышав, что «там в машине ЭТА...», Борис сразу остановился, повернулся к другу и, ткнув пальцем в его грудь, сказал:

– Нет. Нет!

– Да, – развел руками Миша.

– Ты не мог мне такую подлянку подсунуть.

– Но подсунул. Так получилось! Я оказался бессилён, клянусь... Ну, что делать будешь, а? На автобусе поедешь? Или на такси?..

– Нет уж, идем! Все равно достанет. Спасибо тебе за «сюрприз»!

Борис решительно подошел к внедорожнику, не восхитившись дивной красотой новенького автомобиля, открыл заднюю дверцу и кинул на сиденье сумку, в упор не видя Лялю! Потом уселся на первое пассажирское место и ни слова. Миша завел мотор и выехал с места стоянки, он то поглядывал

в зеркало на Лялю, то на друга, гадая, у кого первого сдадут нервы.

Лялька хитрющая (зря про блондинок говорят: дуры, дуры и еще раз дуры), сначала она выведала у простодушного Миши, когда приезжает Борис, он сам не понял, как продал друга. А сегодня примчалась с коварным планом к дому (он живет в частном секторе), спряталась в кустах и ждала, когда Мишка выедет со двора, потом выйдет, чтобы закрыть ворота. Миша длинный и тощий, наверное, потому и неуклюжий немножко, реакция у него слегка замедленная, видимо, недаром говорят – доходит, как до жирафа. Только он вышел из джипа и еще не захлопнул дверцу, Ляля спокойно проскользнула под его руками в салон со стороны водителя, перелезла на заднее сиденье и – вуаля! Ему осталось лишь смириться с данным фактом. А что было делать? Выкинуть ее? Обращаться грубо с женщиной, зная, что ты сильнее раз в десять, – на это Миша не способен. Но теперь его мучила совесть, он же подвел друга, который вовсе не жаждал встретиться с Лялькой.

Ехали молча: Михаил с совестью, Борис с досадой, Ляля с надеждой, что все же кто-то из мужчин подкинёт темку, в которую она легко вклинится как ни в чем не бывало. А они ни слова! Сговорились, поняла Ляля, и, несмотря на подкапывающее бешенство из-за двух болванов, вынужденно начала сама акт примирения:

– Боря, закрой, пожалуйста, окно, дует прямо на меня.

Он, не обернувшись, нажал на клавишу, окно поднялось. И снова один мотор ровно и тихо урчал, а люди, как совершенно чужие, не издавали ни звука. Это злило Лялю. Злость неузнаваемо искажает лицо, даже такое красивое, взамен выступает маска хищной бабы, заурядной и меркантильной, коварной и мстительной. Вдобавок Лялю отличает несдержанность, но в тех случаях, когда она уверена, что подомнет под себя всех, не встретив серьезного противостояния. Нынче ситуация другая, Борис окружил себя непробиваемой стеной, стало быть, шкурку тигрицы следует сменить на кроличью.

– Боря, ты долго будешь сердиться на меня? – спросила она смиренным тоном, который обоим парням показался лицемерным, так как смирение – нет, это не ее конек.

– Все точки я расставил, – сухо отозвался Борис после короткой паузы, понимая, что выяснения отношений не избежать. – Что тебе не ясно?

– А все не ясно, все! – вскипела она. Ну, вот, теперь это настоящая Ляля, вспыхивающая, как спичка, не упускающая случая самоутвердиться. – Я не понимаю, как можно разрушить семь лет. Вот так сразу! У нас, между прочим, сын. Ему нужен отец, он скучает и все время спрашивает, когда придет папа. Твой сын ждет тебя.

Борис саркастически расхохотался, вдруг оборвал смех и: – Ты классный манипулятор, Лялька. Даже фразы выстраиваешь так, чтобы вызвать у меня комплекс вины. Через сы-

на воздействовать, надавить на больные точки – пуля в десятку, но... Говоришь, сын скучает? Почему же ты одна сидишь в Мишкиной машине, почему не взяла его с собой?

– Если бы я взяла Болека, Мишка не пустил бы меня в машину! – огрызнулась бывшая, что и подтверждает: она далеко не кролик, ее смирения хватает на один воробьиный «чик-чирик».

– Тебя не пустил бы, тебя?! – Борис, наконец, посмотрел назад, ухмыльнулся. – Если ты решишь попасть к самому президенту, никто тебя не остановит, ты же броневик, несмотря на стройность, а тут всего лишь наш Мишель. Он же для тебя так, мошка.

Михаил хохотнул, мол, ничего себе – мошка аж два метра, но, взглянув мельком на мрачного друга, вздохнул:

– Ребята, глядя на вас, жениться раздумаете.

– Ты хоть помолчи! – рявкнула Ляля в его сторону, она терпеть не могла проигрывать, а ведь терпела поражение, к тому же при свидетеле. И снова переключилась на мужа, не стесняясь его друга: – Боря, я хочу все вернуть, давай начнем сначала...

– Опять: ты хочешь! Ты! А я, представь себе, не хочу. Твои капризы на первом месте, даже в мелочах никогда не уступишь, будь ты двести раз не права. И никогда не считаешься с теми, кто рядом, – ни со мной, ни с родителями, ни с сыном. У тебя есть ты, а все остальные бесплатное приложение, которым ты пользуешься, когда надо, но опять же –

тебе. С меня твоей любви к тебе достаточно.

Он повернулся лицом к лобовому стеклу, нахмурился, ему очередные выяснения отношений в тягость, тем более что поворачивать коней вспять не собирался. Выбор был сделан давно, последний шаг – перед отъездом, когда собрал Борис вещи и ушел к Мишке.

– У нас семья, ребенок, – не унималась Ляля.

– От ребенка я не отказываюсь, – подхватил Борис. – Я готов его взять к себе, тебе же Болек не нужен, но ты...

– Не отдам тебе Болека! – выкрикнула Ляля, нервы сдали.

– Кто бы сомневался! – хмыкнул Борис.

– Короче, так: либо ты возвращаешься, мы устаканиваем наши отношения и воспитываем нашего Болека вместе, либо не увидишь сына! Никогда. Я не разрешу тебе с ним видеться, чтобы не травмировать ребенка.

– Вот! – на абсолютно спокойной ноте сказал Борис, подняв вверх указательный палец. – В этом ты вся. Тебе сын нужен, чтобы шантажировать меня, не более. Не важно, что ему будет плохо, что Болек будет скучать, страдать. Но ты запретишь ему страдать! Ты всегда знаешь, как надо жить, любить, работать. Я разочаровался в тебе сразу после свадьбы, когда ты начала перевоспитывать меня под свой идеал. Да ведь предела совершенству нет, твоя паранойя всех подстраивать под себя грозила превратить мою жизнь в ад, я решил еще тогда уйти. Но! Ты забеременела. И я остался. Думал, ребенок заберет хотя бы половину твоей неумемной

энергии, но ошибся. Тебя на всех хватает, портишь жизнь и даже не замечаешь. Из-за Болека я не бросал тебя, а ты нагледла, стала показывать раздражение при посторонних, и это было последней каплей. Я предупреждал тебя, что если уйду, то навсегда?

– Выходит, – процедила Ляля, – я чудовище, а ты у нас...

– Я чудовище, я, – заверил Борис. – А ты конфета.

Осталось последнее средство: Ляля зарыдала. Слезы не были театральщиной, скорее, они вызваны бессилием, отчаянием, невозможностью повернуть вспять время, хотя ничего не изменилось бы, прежде всего она осталась бы прежней. Но людям кажется, стоит вернуться назад и, зная будущее, легко миновать подводные камни, а не приходит в голову, что и в себе нужно что-то изменить. И только совсем немного в слезах заложена надежда на жалость: вдруг муж дрогнет и вернется. Прием тоже неэффективный, обычно слезы не действуют, мало того, сильно раздражают.

– Перестань, – сказал безжалостный Борис, что и было подтверждением: ее слезы для него водичка. – На этот раз номер не прокатит. Все, Ляля, все. Я согласен на твои условия... почти на все. Квартиру хочешь забрать со всем скарбом, машину, на которой не умеешь ездить, – да ради бога, я согласен в шалаше пожить, пешком ходить, но без тебя. А встречи с сыном... извини, суд решит, видаться нам или нет. Можешь не переживать, частыми наши встречи не будут, я уезжаю. А когда Боек подрастет, сам сбежит от тебя ко мне,

даю гарантию.

– Уезжаешь? – вскинулась она. – Куда?

– Не скажу. Не хочу случайно встретить тебя там.

– Мишка, останови машину! – рассвирепела Ляля.

Тот послушно съехал на обочину и затормозил, в душе радуясь, что сейчас оба избавятся от Ляльки, а он – так еще и от укоров совести. Да, она спрыгнула на тротуар и, прежде чем захлопнуть дверцу, рявкнула бывшему мужу:

– Скотина! Катись хоть к черту! Ты еще плохо меня знаешь...

– Поехали, Мишка, – бросил другу Борис. – Это уже город, она спокойно доберется сама.

– До свидания, Ляля, – трогаясь с места, сказал Миша.

– Да пошел ты!.. – огрызнулась она, хлопнув дверцей.

– Я пошел, – и газанул прочь, а то вдруг Борькина жена передумает, через пару минут отер пот со лба. – Уф... Не женюсь, не-не. Чуть дверцу не оторвала! А машина новая, отец с матерью последние бабки за нее отдали. Эй, чего задумался?

– Настроение испортила, – доставая телефон, проворчал Борис. – Она чего бесится? Что я ее бросил, а не она, понимаешь?

– Еще бы не понимать. Лялькины перепады настроения до дурдома доведут, она же непредсказуемая. Только что мяукала, как кошечка, тут же огрызается, как зверюга. Ты сказал, уезжаешь... а куда?

– Откуда прилетел – в Германию. Поехал проконсультировать и решил воспользоваться случаем, показал свои разработки. Ими заинтересовались и предложили поработать там. Я дал согласие только потому, что здесь внедрить их не светит, шеф так и сказал: не надо парить мне мозг, не до тебя. Ему не до новых идей! Старый осел. Если бы он был специалист, уловил бы будущую выгоду, мир-то вперед несется, а он так... руководитель, ни хрена не понимающий в том, чем руководит, потому отстает от передовых тенденций. Да, Мишка, не вздумай проболтаться Ляльке, что я еду работать в Германию.

– Да ты что! Я могила! – заверил Михаил.

– Ага, могила, – хохотнул Борис. – Общедоступная.

– Борь, я не виноват, это она обвела меня...

– А я про что! Она способна тебя на ленты порезать, а ты этого не заметишь. Прошу как друга... лучше не встречайся с ней, иначе она залезет ко мне в чемодан и контрабандой переберется в Германию, а мне наступит конец.

– Сказал же...

– Тише! – шикнул Борис. – Алло!.. Привет, я приехал...

Михаил покосился на него и не мог сдержать улыбки, видя счастливую физиономию друга.

* * *

Пауза была долгой, но после нее Галина ничего нового не

сказала, только то, что Майя без нее поняла:

– М-да... Это нехорошее послание.

Все это время, забравшись с ногами на диван, она держала лист и, кутаясь в теплый халат небесного цвета, смотрела на пять слов, которые были написаны и в первом письме.

Галина снова задумалась, потирая длинным пальцем с аккуратным маникюром под нижней губой, а гостье не сиделось. Гостья двинулась бесцельно ходить по огромной гостиной, обставленной мебелью в стиле Людовика XV, Майя предпочитала минимализм и конструктивизм. Все эти шкафчики белого цвета с золотыми финтифлюшками и на витиеватых ножках, диванчики в цветочек, статуэтки рококо, по мнению Майи, бесполезная пыль столетий. Каждому веку соответствует свой стиль, отражающий время и нравы людей, он и должен главенствовать. Вот и чашка с кофе в руке Майи такая же витиеватая, как ножки шкафчиков, хотя чашки пусть будут, они тонкие и невесомые, приятные на ощупь.

– Кто-то все знает, – сделала вывод Галина.

– Никто, – живо отозвалась Майя, резко развернувшись к подруге, и потупилась. – Никто, кроме тебя...

– Надеюсь, ты не думаешь, что я кому-то разболтала?

Галина задала свой вопрос с интонацией, исключающей положительный ответ. Разумеется, у Майи и в мыслях не было заподозрить подругу в нечистоплотности, поэтому она ответила, глядя ей прямо в глаза:

– Нет, конечно. Значит, еще кто-то узнал... других грехов за мной не водится... Как думаешь, зачем мне это присылают?

Наконец Галина отложила письмо, кинув его на столик у дивана, взяла тонкую длинную сигарету и зажигалку. Когда она не разыгрывает светскую львицу, а становится собой, по ней легко прочесть, что она думает, правда, это происходит при условии, если Галина доверяет собеседнику. Майе она доверяла, но лучше бы оставалась непроницаемой, потому что сейчас выражение ее лица пугало.

– Молчишь?.. – проговорила Майя уныло. – Что, все так плохо?

– Хм, старомодный способ – конверт, письмо, – вымолвила Галина, отведя взгляд в сторону. – Только раньше вырезали буквы из газет и наклеивали на лист бумаги, сейчас это дело упростилось, печатают на принтере, выбрав ударный шрифт. (Действительно, буквы крупные и выделены жирным шрифтом.) Зачем подбрасывают, а тебе именно подбрасывают эту гнусь, вопрос риторический. Пока тебя доводят до кондиции: чтобы ты переживала, всех боялась и подозревала, а в перспективе – выполнила условия, которые выставят, когда ты станешь комком оголенных нервов и будешь послушной телкой.

– Условия? А какие? Хотя бы примерно?

– Милая, ты как маленькая! Неужели думаешь, что подобное послание ты получила единственная? Шантаж известен,

полагаю, с каменного века, с тех пор ничего не изменилось. Какие условия ставят в подобных случаях... Элементарно: деньги.

– Деньги... – повторила Майя, вслушиваясь в слово, будто оно незнакомо ей. – Но у меня нет денег.

– У мужа есть. Детка, тебя заставят украсть у него. Вся эта писанина имеет одну из двух целей: либо развести тебя на деньги, либо через тебя скрутить твоего мужа. Да, милая, да. И не смотри с таким ужасом, я просто проигрываю ситуацию, к которой ты должна быть готова психологически.

Раздалась мелодия телефонного звонка. Майя вынула из кармана смартфон и, взглянув на дисплей, мгновенно переменялась, вся засветилась, как фонарь на столбе.

– Да?.. – И голос переменялся, она как будто забыла о грозящей беде. – Хорошо, я еду... Жди...

Опустив руку, она кусала губы и улыбалась, счастье лилось из Майи рекой, а наблюдающая за ней Галина мрачно курила. Она прекрасно поняла, кто звонил и куда сейчас сломая голову помчится дуреха, а ведь не обсудили, как ей быть.

– Извини, Галочка, мне надо... я... я побежала...

– Стой! – властно приказала Галина, встав у нее на дороге. – Майка, у тебя серьезное положение, вот-вот к чертовой матери полетит твоя жизнь, и не только твоя. Что-то нужно решать, на двух стульях усидеть больше не получится – кому-то уже известны твои похождения. Лучше сейчас выбор сделай, чтоб не случилось большой беды.

– Какой, какой выбор? – нетерпеливо простонала Майя. –

У меня нет выбора, в том-то и дело...

– Очнись! – рассердилась Галина, схватив ее за плечи. –

У тебя крышу снесло? Расскажи все Стасу...

– Нет!

Майя убрала руки старшей подруги и обошла ее, двинув к выходу, заодно давая понять, что сейчас она не способна слышать. Галина сделала последнюю попытку задержать ее:

– Майя! У тебя шоры!

Та обернулась, но! Отступала спиной, умоляя Галину:

– Завтра встретимся, ладно? Пожалуйста... Ты должна меня понять.

Хлопнула входная дверь. Галина только развела руками и заходила, разговаривая сама с собой:

– Вот дура! Нет, это просто маразм какой-то!.. Совсем девка рехнулась... Нет, я ее достану. Достану, достану! Завтра же! Своих мозгов нет, пусть моими попользуется.

4

Гостиниц в городе много, а частные расплодились в последнее десятилетие как грибы после дождя, от хостелов до шикарных отелей, основная часть этих поистине нужных заведений совсем небольшие, иногда насчитывают до десятка номеров. Отель под названием «Планида» в городе известен немногим, впрочем, подавляющему большинству горожан гостиницы не нужны, тем не менее те, кому нужно встретиться тайно и чтоб информация об этом не просочилась за стены номеров, знали, как найти «Планиду». Содержится она идеально, номера недорогие, а главное – никто никогда из obsługi не распускает языки, кто тут «отдыхает» и с кем. Расположен отель в старинном двухэтажном особняке, номера небольшие, хозяйка постаралась максимально их приблизить к домашнему уюту и не поскупилась. Занавески и шторы не из дешевеньких, их повесили не прямыми полосами, а украсили ламбрекенами, что считается роскошью. Мебель симпатичная, по стенам висят оригинальные фотографии вместо привычных постеров. В номерах много мелочей, которые могут понадобиться в любой момент, – от фена до ножниц. Находится «Планида» в самом что ни есть сердце города, то есть в центре, но затерялась в середине древнего квартала, где не всякий автомобиль проедет. Здесь тихо, много деревьев, воздух посвежее, чем на

оживленных улицах, напротив стоят торцом здания практически без окон, что просто редкая удача для тех, кто приезжает сюда тайком.

В номере, выходящем окнами на небольшой парк, Майя лежала на его плече, прижавшись всем телом к его телу, обвив ногой его ноги, но не спала. Какой сон – когда кровь кипит, сердце танцует, а душа поет – и это реально. Они не виделись целую вечность, задолжавшую им огромное количество золотых минут, из которых складываются часы сумасшедшего счастья. И касания, и дрожь, и дыхание в унисон с поцелуями... кто способен от этого отказаться? Майя блаженно улыбалась, потом вспомнила, как они встретились – очень бурно, – и рассмеялась.

– Боря, почему молчишь? Ничего не рассказываешь?

Да когда же ему было рассказывать о поездке! Майя неслась сюда, как гончая, влетела в номер, Борис уже был здесь. Объятия, нескончаемо долгий поцелуй, кровать. Невозможно было слово вставить, но сейчас-то, казалось бы, есть время...

– Отдыхаю, – проямлил Борис.

– А я хочу все знать: как тебя приняли, что говорили... Да! – Майя приподнялась на руках, заглянув ему в лицо. – Ты свои разработки кому-нибудь показывал?

– Конечно.

– Ну и?.. Боря! Открой глаза...

А он лежал буквально в отключке. Майя двумя пальцами

раздвинула ему веки, хихикая, Борис лениво взял ее руку и опустил, поморщившись:

– Майка... Дай полежать.

– Не дам. Я хочу знать...

– Я тебя очень расстрою.

– Что?! – Майя от возмущения села. – Немцы не оценили твой гений?! Ах, они такие... Хочешь, поеду туда и устрою им скандал?

– Ловлю на слове! – Теперь и Борис уселся на постели, подложив под спину подушку. – Итак, ты поедешь, сама сказала. Со мной. Мне предложили работу, я дал согласие.

Какая жалость – счастье смыло с лица Майи молниеносно, но она же не ожидала триумфального результата, посему растерялась. А вот Бориса подобная реакция не удивила, если честно. Он как чувствовал, что его успех обернется для нее крушением, потому ухмыльнулся, давая понять ей: ну, вот, я так и знал, затем потянулся за стаканом минеральной воды на тумбочке. Беспечность тоже должна работать на его мельницу, мол, я все решил, это окончательно, теперь, дорогая, слово за тобой.

– То есть... – наконец обрела Майя дар речи, но что за интонация! Как будто похоронила всех тетушек с дядюшками, которых кормила лекарствами, в одной могиле и в один день, причем сегодня. – Ты переедешь туда... в Германию? И это надолго... да?

– Лет на пять, а там видно будет. Мне предоставляют жи-

лье, хорошие деньги, небольшой штат помощников, переводчика! Я же только по-аглички, а по-немецки ни бум-бум, правда, уже учу и пока безуспешно. Короче, условия царские, но мне хотелось бы забрать с собой и свою королеву. Что будет легко, не обещаю. Хорошо ездить на экскурсию, а жить в стране, где все чужое, далеко не кайф. Я пробыл там чуть больше туристической поездки и затосковал. Представляешь? Но у меня полный порядок, а те, кто приехал на пустое место, кому нужно обустроиваться самому... не знаю, как они справляются. Но мы будем вдвоем.

Всего, чего угодно, ожидал подготовленный ко всякого рода женским выкрутасам Борис, у него же богатый опыт с Лялей, умеющей поражать неисчерпаемой изобретательностью, но Майя! Она блестяще владела собой, она действительно королева во всех ипостасях и вдруг... заревела, как простая баба, упав лицом в подушку. Борис лег на бок лицом к ней, гладил ее по волосам и плечу, рассуждая про себя, что Майя стала его приговором за неизвестные грехи.

Их роман далеко не на первой стадии, познакомила нынешних любовников Галина, причем случайно. На одной из этих дурацких выставок, куда Майя пришла без Стаса – это было днем – и жутко скучала после интервью с одним из «гениев», который просто измочалил ее. О, как он изъяснялся! Как старался выглядеть умнее всего человечества, запуская фразу и не мог догрести до конца, Майя просто извелась. А Борис стоял в сторонке и наблюдал за ними, усмехаясь. По-

том она решила взглянуть на гениальные работы, все оказалось примитивом, однако рядом пожилая парочка на полном серьезе обсуждала достоинства. Майя, что называется, офигела, обхватив подбородок пальцами, уставилась на полотно с разноцветными зомби, стараясь увидеть эти самые достоинства.

– Нравится? – спросил за спиной незнакомый мужской голос, кажется, насмешливый.

Майя оглянулась. Первое, что увидела, – орехового цвета глаза, в которых застряли смешинки, незнакомец поджал губы, явно сдерживая улыбку. Майя не была расположена к разговорам о великом и прекрасном, художник ее сильно утомил, но из вежливости спросила:

– А вам?

– К сожалению, я не дорос до современных шедевров.

– Вот и я не доросла, – вздохнула Майя. – Тут главное, живописец дорос до глубокого понимания самого себя, остальное – не важно.

– Майя! – подошла к ним Галина и вдруг изумилась, даже брови подняла, обычно ее мимика остается в мертвецком покое, иначе морщины предадут возраст. – Боря?! Боже, тебя-то сюда каким ветром занесло?

– Мимо проходил, смотрю – вы заходите сюда, решил поздороваться, – ответил он.

– Майя, знакомься, это Борис, бывший мой сосед, знаю этого мальчика с его сопливого детства, – представила Га-

лина подружке молодого человека. – Он тоже гений, только в электронике.

– О, два гения в один день для меня многовато, – пожимая руку молодому человеку, сказала Майя.

– Майка, ты взяла интервью у моего протеже? – спросила Галина.

– Я отмучилась, – завелась Майя, иногда она бывает импульсивной, правда, редко. – Скажи, ты серьезно считаешь это (указала пальцем на картину) талантливой живописью?

– Не маши руками, дорогая, будь выдержанной, – осталась спокойной Галина. – И снисходительной. За интервью неплохо заплатят спонсоры, ты принесешь доход в радио-центр, тем самым повысишь свою значимость, а молодое дарование получит небольшое признание. Надо дать ему шанс. И потом, если ты не принимаешь этот свободный жанр, не значит, что он не доступен другим. – Она приблизилась к полотну и восхитилась: – Изумительные краски. Прекрасное чувство цвета... полутона...

– Не люблю врать, – фыркнула Майя.

– Ну, так учись, – посоветовала Галина. – Пригодится.

О, да! Действительно пригодилось. Умению врать Майя специально не обучалась, эта функция заложена внутри с рождения и только ждет удобного случая, чтобы развернуться во всем богатстве своих возможностей.

– Галина Сергеевна, мы с Майей посмотрим выставку? – спросил Борис, выручая журналистку, которая явно чувство-

вала себя не в своей тарелке.

– Не называй меня в подобных местах по отчеству, изверг, – небрежно и беззлобно бросила через плечо Галина. – Отчество прибавляет мне сразу лет сто. Идите, конечно, просвещайтесь.

Борис и Майя воспользовались разрешением и перешли в другой зал, кишевший гениями, от которых кружилась голова. Походили, посмотрели, прислушались к отзывам. Майя призналась, что чувствует себя здесь как ученица пятого класса в академии наук, Борис тут же предложил:

– А давайте удерем?

– Куда? – Майя вовсе не собиралась «удирать» с ним.

– Тут рядом кафе... пообедаем, кофе... м-м?

Она хотела сказать традиционное «нет», но, взглянув в его глаза, из которых лилась магическая энергия, проникая в Майю и попутно отключая все предохранители от необдуманных поступков... естественно, согласилась. Точнее, она тут ни при чем, в ней родилось другое существо, которое покорно поплелось за Борисом.

Кафе сейчас ничем не отличаются от ресторанов, именно в такое место и привел ее Борис. Во всех углах раскидистые растения, стены оформлены под старинную кирпичную кладку, как и потолок. Лампы по стенам висели точь-в-точь времен революции, со стеклянными колбами, но, конечно, это уже электрический вариант. У окна Майя отказалась сесть за столик, не хотела, чтобы ее увидели случай-

ные знакомые в компании молодого мужчины. Выбрали столик на двоих в уголке, их неплохо маскировали экзотические пальмы, раскинувшие свои резные листья. Можно было расслабиться.

Столько тем нашлось, что проговорили часа три, Майя понимала: надо поблагодарить за кофе с пирожным, встать и бежать, бежать, бежать... Вместо этого она смотрела в ореховую глубину глаз, отсвечивающую желтоватыми бликами, на высокий лоб, слегка впалые щеки, на резко очерченные губы, произносившие слова... А еще слушала бархатный голос и млела, как последняя дура, у которой мозгов отродясь не было. А Борис говорил, говорил и вдруг:

– Я зашел в галерею, потому что увидел не Галину Сергеевну, а тебя. Ты как раз туда заходила. Да, вот так: увидел и попался.

Между прочим, впервые сказал ей «ты», а она не поправила его, мол, на брудершафт не пили, то да се, давайте держать дистанцию. Тем временем он взял ее за руку, сжал, а Майя хлопала глазами, еще не осознавая, что тоже попалась.

– Идем?.. – сказал Борис.

Она поняла, что за предложение не выговорил он, где-то в затылке слабо сигналило: не надо, не смей! Видимо, это был внутренний голос, но вместо того, чтобы послушаться доброго совета своего второго я, Майя... Она не хотела, совсем не хотела, голова сама, будто пустая кадка (мозги-то сбежали), кивнула, согласившись идти с ним хоть в преисподнюю.

Борис оставил деньги на столе, встал первым, держа ее за руку, повел за собой, и Майя поплелась за ним, как барашка, которую ведут на заклание. Борис привел спутницу в ближайшую гостиницу, то есть в «Планиду», здесь Майя забыла, что у нее есть муж, семья, дети, стоило Борису обнять ее и коснуться губами ее губ. И вообще выключилась. А включилась, когда было поздно, как говорится, пить боржоми. Все, оба лежали в костюмах Адама и Евы, когда те еще не съели яблока, потому не знали стыда. В этот момент Майю загрызла совесть, о, какая это гадкая штука, она реально грызла, причиняя боль.

– Я даже подумать не могла, что со мной это произойдет, – уткнувшись в плечо Бориса, всхлипывала Майя. – С кем угодно, но не со мной! Так пошло... и стыдно... Изменила мужу с первым встречным... Стас любит меня, ничего плохого мне не сделал, а я... я... предала... Я шлюха!

– Не плачь, Майя, у меня те же проблемы, – успокаивал ее Борис очень неубедительно. – Я сам от себя не ожидал... Ну, хочешь, будем считать это временным помутнением?

– Да... это так... помутнение... временное...

На этом решили расстаться и больше – ни-ни! Лишь при случайной встрече «здрасьте» и «пока»! У нее муж, у него жена, у обоих дети – почему близкие должны страдать, даже если ничего не будут знать? Спешно оделись, Борис вызвал такси и отвез ее в район престижного жилого комплекса, а когда Майя выходила, он сказал, не глядя на нее:

– Если честно, так хорошо мне еще не было никогда.

Блин, он прочел ее ощущения, ее мысли! Майя не ответила, побежала к воротам, думая об одном: что сейчас скажет мужу, как будет выкручиваться, зная за собой преступление? На дворе поздний вечер, вечерних новостей в тот день у нее не было, короче, законного вопроса «где ты была?» не избежать. Так ничего и не придумав, Майя пришла домой, в прихожей сбросила обувь, крикнула... как ни в чем не бывало:

– Ау, народ! Где вы?

И поразила себя: какая она лживая притвора! Из гостиной появился Станислав в домашнем халате и тапочках, строгий, надутый и предсказуемый:

– Ты где была? Я звонил в твою контору, мне сказали, ушла на выставку еще днем.

– На интервью, – поправила Майя, надевая тапочки. – Галине плохо стало, я сопровождала ее в больницу, потом домой... Извини, что не позвонила.

Само собой позже она позвонила Галине и предупредила, что та попала в больницу, а до этого слушала мужа:

– Ты своей Галине уделяешь больше времени, чем собственной семье. У тебя работа, Галина и эта... как ее... броневичок с реактивным двигателем...

Он имел в виду еще одну подругу с давнишних лет – Ксюшу, страдающую ожирением. Впрочем, безобразно толстой ее не назовешь, а энергии Ксюши хватило бы на бомбардировщик, способный облететь земной шар без дозаправки.

Станислав обычно устает от нее в течение первых десяти минут, впрочем, общение с Галиной его тоже напрягает – слишком заумная. Ксюша в городе бывает редко, она постоянно в разъездах: то на раскопках, то в путешествиях. Многие изумляются: как ей удается попасть в зарубежные экспедиции, ведь археология сейчас не востребована. А Майя знает: Ксюша фанат призвания, что импонирует руководителям экспедиций, к тому же репутация у нее безупречная – человека порядочного и ответственного. Одни плюсы, кроме веса (но это на взгляд любителей худосочных барышень) и характера: она жутко прямолинейна.

– Не надо делать вид, что ты забыл имя Ксюши, – сказала Майя, идя к нему. Остановившись напротив и очень близко, она предъявила претензии: – Каждый человек имеет право на свободное пространство во времени и на личных друзей, не говоря о любимом деле. Я же не выношу тебе мозг, когда ты задерживаешься.

Чмокнув мужа в щеку, Майя отправилась на кухню, где поднимала крышки кастрюль и принималась к содержанию. Затратив уйму энергии в чужой постели, она зверски проголодалась. Станислав, конечно, последовал за ней, оставить последнее слово за женой не в его правилах:

- Но я звоню тебе и предупреждаю, что задерживаюсь!
- Но я не проверяю, насколько ты честен со мной.
- У тебя еще есть должность – жена и мать. Мы забыли вкус еды, приготовленной тобой...

– А зачем ты нанял домработницу? – перевела стрелки на мужа Майя, подозревая, предвидя, что сейчас он запустит бесконечную нотацию на тему долга. – Для престижа, верно? Пусть отработывает твои деньги. А за детьми присматривает твой помощник, за что тоже получает доплату. И спасибо тебе, что освободил жену от домашней каторги. Между прочим, ты несправедлив – я готовлю по выходным.

Майя наколола вилкой котлету и с удовольствием откусила кусок, еле поместившийся во рту, Стас поморщился:

– Ты сейчас похожа на свою подругу Ксюшу, она не ест, а трескает.

– Не будь занудой, – выговорила набитым ртом жена.

Станислав тоже достал котлету, но положил ее на тарелку – мама воспитала его педантом. Стояли и ели. Майя покосилась на мужа и вдруг поняла, почему ее занесло в «Планиду». Замуж вышла в восемнадцать лет, увидев в Станиславе опору и надежность, вообще-то Майя не ошиблась в нем, он на самом деле надежная опора, но... с ее стороны был разумный расчет, подсказанный родителями, не более. Стас на шесть лет старше, отсюда считал себя умнее, значимей, выше по статусу, главой не только фирмы. Надо отдать должное, он все же поддавался дрессуре, потому полностью подчинить Майю ему не удалось. Именно что расчет был разумный, она не позволила сделать из себя домохозяйку, а завершила образование, поступила на радио. Стас любил детей и ее, заботился о них и баловал. В сущности, Майя не возра-

жала против кухни и швабры, ведь тысячи женщин совмещают работу с домашней каторгой, не умирая, инициативу проявил муж и нанял домработницу. Он просто кусок счастья, который она не ценила, а то, что Стас зануда... так ведь она тоже не бланманже. Разве заслуживает он обмана? Майя поклялась, что никогда больше... ни-ког-да!

«Никогда» хватило на неделю. Все это время она жила воспоминаниями, то злилась на себя – за свое безрассудство, то Борис стоял перед глазами, словно призрак. Телефонными не обменялись, значит, встреча была первой и последней, а тянуло к нему с невероятной силой, Майя отмахивалась от навязчивых мыслей, снова злясь на себя. И вдруг звонок!

– Майя... Это Борис...

– Как ты узнал мой номер?

– У Галины Сергеевны. Майя, я...

– Где и когда? – вырвалось у нее, мозги-то сразу вышибло, как прошлый раз.

Сначала это была страсть, да, та самая, про которую много написано умных и не очень книг, когда мозг автоматически вышибает и даже медицина не способна помочь справиться с данным заболеванием. Обычно страсть долго не живет, она – как вспышка, осветила некую локальную часть жизни и погасла, а у Майи с Борисом «помутнение» держится на одном уровне три с половиной года. Кто способен столько выдержать, прячась, обманывая, изворачиваясь, лавируя между работой, семьей и знакомыми, чтобы встретиться хотя бы

на час? А совесть! Однако человек ко всему привыкает, к совести тоже. Одно понятно стало обоим: встречи тайком это плохо, обман – очень плохо, но их отношения навсегда. Так и прошло целых три с половиной года...

Майя перестала плакать, легла на спину и смотрела в потолок, она была такой несчастной, что невольно вызвала улыбку у Бориса. А выход есть из создавшегося положения, не однажды он заговаривал об этом с ней, поэтому сейчас молчал. Заговорила она:

– Пять лет... А как же я буду без тебя?

Ну, вот! Стоило ему подумать о выходе, Майя тут же спрашивается, чтобы он напомнил, мол, не все так мрачно.

– Майка, ты в состоянии разрулить нашу ситуацию. Это просто. Повторяю: я предлагаю тебе поехать со мной. В качестве жены.

– Ты же знаешь, это невозможно. Разруливать можно тогда, когда никто не пострадает, никто не станет несчастным. Я не могу причинить боль и жить счастливо, нет, не смогу... Стас никогда не отдаст мне мальчишек. А как я буду выглядеть в глазах сыновей, бросив их любимого папу вместе с ними? Они не простят мне... И что это за мать, которая бросает своих детей? А твоя жена?..

– Жену не приплетай, – мягко перебил Борис. – Я развожусь с Лялькой, о чем перед отъездом ей объявил, собрал вещи и ушел к Мишке. Да, и успел подать заявление на раз-

вод до отъезда.

– Ты бросил семью?!

Новость явилась для Майи неожиданностью, теперь вся ответственность за ложь ложится на нее одну, Боря свободен от всех обязательств, кроме сына. Но у него-то поводов расстаться с женой было много, Ляля ревнивая (не без повода, конечно), несдержанная, скандальная, эгоистичная – по словам Бориса. Впрочем, Миша подтверждал, что друг женился неудачно, а через некоторое время Лялька четко просекла, когда он собрался бросить ее, и специально залетела. Боря чересчур порядочный, вот и не скинул ярмо. Мишка поражался: женщина до замужества и после – две разных женщины, до – богиня, после – ведьма. Поэтому он делает ноги всякий раз, если замечает, что подружка готовится к свадьбе, а ноги у него длинные, фиг догонишь. Но у Майи-то противоположная история!

– Кстати, Мишка подобрал мне квартиру, поедешь посмотреть? – сказал Борис, тем самым намекая, что его развод не имеет обратной дороги. – Мои мать с отцом только рады моему разводу, сразу подкинули недостающую сумму на жилье, чтобы я не вернулся к Ляльке.

– Зачем тебе квартира, если ты уезжаешь? – не поняла она.

– Я не навсегда уезжаю. Буду приезжать в отпуск... мы будем приезжать. – Борис постепенно приучал ее к мысли, что она поедет с ним.

– Нет, невозможно, Боря. Я не могу их бросить, не могу... И без тебя не смогу жить... Дурацкая история.

У нее дрогнул голос, кажется, Майя опять собралась заплакать. Видя такое дело, Борис обнял ее крепко-крепко и согласился:

– Дурацкая, верно. Майя, ты меня любишь?

– Очень. – Она сказала чистую правду.

– Обычно динамят любовниц мужики: обещают бросить жену и жениться, а у нас обратная ситуация – ты меня динамишь. Даю тебе три месяца на размышления, столько мне дали, чтобы я завершил свои дела здесь.

Три месяца... А что изменится через три месяца? Просто Боря поедет один, а она останется с детьми и мужем, потому что иначе нельзя.

Домой Майя возвращалась на такси под гнетом трех месяцев. Выйдя из такси и идя к дому, она услышала звук сообщения, достала смартфон... Кровь бросилась в голову, когда прочла.

«Я ЗНАЮ ПРО ТЕБЯ ВСЕ»

Итак, с эпистолярным жанром покончено, перешли на эсмэски. Все – конечно, Борис, других компроматов на нее нет, но и Бори достаточно, чтобы испортить жизнь не только ей. Майя представила Стаса: вот он узнал правду – и что? А как поступила бы она на месте мужа? О... Стасик пожалел бы, что на свет родился, если бы Майя при этом отличалась верностью. Но правила нарушила она, а не он. Такова голая

правда.

Майя открыла дверь своим ключом, вошла в прихожую и, едва увидев Стаса, внезапно ощутила усталость, словно некая сила высосала из нее всю энергию, выпила кровь и хочет забрать жизнь.

– Майка, что так поздно? – сердито спросил Стас.

– Не спрашивай. (Сказать ей было нечего, не подготовилась, подумала по дороге, что нужно бы придумать причину, но мыслями возвращалась к Борису, который скоро уедет.) Я ужасно устала, хочу есть, в ванную и спать.

– А все же? – двинул Стас за голодной женой на кухню. – Полагаешь, я не имею права задавать тебе вопрос, где ты...

– Шлялась? – подсказала Майя с вызовом.

Ух, как захотелось закатить скандал, чтоб тарелки об пол, табурет о спину, кулаки по лицу, потом – развод по настоянию мужа. Глупо. А причина в том, что Стаса она... нет, это не важно. Майя проведет с мужем всю оставшуюся жизнь в состоянии безрадостного покоя, предсказуемости и бешеной скуки – удручающая перспектива. Но так живут тысячи, однако далеко не все живут, как Майя – в достатке, комфорте, с любящим мужем, только... только она заранее устала от будущего. Вместе с усталостью в ней закипел протест, вроде бы одно исключает другое, но отсюда и коктейль получился взрывоопасный, стоило больших усилий удержать буйство внутри. И черт побери, Стас не виноват, ни в чем не виноват, уважения-то он заслуживает.

– Неприятности на работе, – сказала она, нисколько не оправдываясь. – Мелкие. И противные. Я взяла такси и поехала на дачу к родителям, по дороге произошла поломка. Попуток не было ни туда, ни сюда. Пришлось ждать, когда таксист починит. Потом нас взяли на буксир и доставили до города, здесь я снова взяла такси и приехала домой. Где мальчишки?

Лгала и краснела, правда, краска заливала лоб и щеки от негодования на саму себя. За три с половиной года Майя стала асом лжи! Нельзя сказать, что ложь давалась ей легко, это настоящий яд, однако она научилась жить с этой отравой, одновременно ненавидя себя. Встречи с Борисом были противоядием и отдушиной, ради этих моментов стоило жить, как теперь будет – неизвестно. Наверное, ничего хорошего не следует ждать, судя по посланиям.

– Младший уже спит, старший за компьютером, – ответил на ее вопрос о детях Станислав и задал свой: – Почему не позвонила? Я бы приехал за тобой.

– Не думала, что застряну надолго. Еще есть вопросы? Я в ванную.

Пока ванна наполнялась, Майя поговорила со старшим сыном Никитой, попросила не колотить младшего брата, поцеловала спящего Данилу, а потом погрузилась в теплую воду и думала. Борис, пять слов, отзывающихся в жилах кипятком, Стас, дети – все важно! Это узел, а расплести его предстоит Майе. И начать надо с пяти слов, конечно, чтобы

устранить опасность.

Выяснить, кто кинул конверт в почтовый ящик, Майя не считала разумным, хотя камеры есть и в подъезде, и снаружи. Во-первых, служба охраны может донести мужу о странном интересе жены, начнутся вопросы-подозрения, а ей это совсем ни к чему. Во-вторых, первое письмо принесла женщина, наверняка она же кинула второе в почтовый ящик, тщательно замаскировав лицо. В-третьих, традиционных писем больше не будет, как поняла Майя, плясать предстоит от сообщений, кстати, теперь у нее есть номер телефона посланника, но пока она не знала, что с ним делать.

С этими мыслями приехала на работу, а тут очень вовремя позвонила Галина, договорились о встрече, но не в ресторане в этом же здании – там могли нечаянно их подслушать. Майя блестяще отработала новости и дурацкую передачу о здоровье (по сути, это скрытая реклама), получила втык за вчерашнее (слава богу, не уволили). Освободившись, помчалась в кафе рядом с высоткой, причем лифта не могла дождаться, кинулась бежать вниз на своих двоих.

Шикарная Галина в брючном костюме мужского кроя темно-зеленого цвета и в мужской шляпе, сидевшая на террасе с чашкой кофе, помахала ей издали. Она умеет себя подать, умеет быть непростой и в то же время доступной, неза Nosчивой, но чуточку надменной. Этим и привлекала Галина

как мужчин, так и женщин, которые копировали ее манеры, но копия – не оригинал. Майя упала на стул, выхватила из рук подруги стакан воды и выпила залпом.

– Что вижу... – заворковала Галина. – Загнанная лошадка прискакала на водопой. И кто же тебя довел до такой жажды – Борька? Неужто ты не ночевала дома?

Вместо ответа Майя положила перед ней смартфон, после чего налила из бутылки еще воды и выпила, а Галина в то же время прочла эсэмэску, закурила.

– Этого следовало ожидать, – произнесла она после небольшой паузы. – Как я и думала, тебя доводят до психоза. Майка, когда приходят такие писульки, нужно упреждать удар.

– Упреждать? – заострила внимание на слове Майя. Сейчас малейшая подсказка, способная помочь выпутаться из писем, просто подарок. – Это как – упреждать?

– Объясняю. Что бы ты сейчас ни делала, как бы ни крутилась, Станислав все равно узнает правду. Понимаешь? Не от тебя узнает. Таковы уроки человечества, игнорировать их, думать, что как-нибудь обойдется, не стоит. Поэтому благо-разумно рассказать все Станиславу самой.

Майя опустила ресницы, да и вся как-то сникла, уголки ее губ поехали вниз – нет, не этих слов она ждала от подруги. Галина позвонила первой и предложила срочно встретиться, значит, у нее вызрел план, как быть, – думалось Майе, ан нет. Послышался звук сообщения, но разочарование было

так велико, что сигнал пролетел мимо ушей, а Галина прочла и:

– Ну, вот тебе и подтверждение моих слов.

– Что? – очнулась Майя.

– Читай, – придвинула к ней ее же смартфон Галина.

– «Твоему мужу тоже будет интересно узнать про тебя», – медленно прочла Майя, запрокинула голову и чуть слышно застонала.

– Вот и я о том же.

Выглянув из-за тучки, солнце мягко коснулось лица, сразу потянуло расслабиться, забыться, например, выпить рюмку-две (в такие моменты и непьющий запьет), но... впереди рабочий день, с Майи стружку снимут, если унюхают алкоголь. А мимо ехали машины, шли и бежали люди, у всех своя суета-маета, рожицы счастливые, есть и озабоченные, но не так чтобы очень.

– У них тоже свои проблемы, – проследив за ее взглядом, угадала Галина, о чем подруга думает. – Возможно, им хуже, чем тебе.

– Ты психолог, – уныло сказала Майя.

– Я просто давно живу.

– А хуже – это что?

– Неизлечимая болезнь. Сметь родного человека. Тебя пока бог миловал от настоящих трагедий, цени. Да что ты нос повесила! Разумеется, просто так от тебя не отстанут, но это не повод унывать, сделай ход конем: упреди удар и расскажи

Стасу. Ну, даст тебе в глаз, походишь с синяком – бабы все бывают битыми хотя бы раз в жизни. Ну, месяц он не будет с тобой разговаривать – перетерпишь. Стасик не захочет скандала, к тому же у вас двое детей, пятнадцать лет стажа...

– Ты плохо его знаешь, – перебила Майя. – Когда-то Стас сказал: если я наставлю ему рога, он выставит меня за дверь в том, в чем буду, хоть голой, а мальчишек спрячет, я их никогда не увижу.

– Да мало ли что мужики болтают, – фыркнула Галина. – Это треп, обычный треп мужчины, который боится потерять жену. Да любит тебя твой Стас, никуда не денется – простит, иначе давно бы пресек твои выкрутасы.

– Я Борьку люблю, – опустила голову Майя.

– Тем более расскажи и уходи к Борису, он только и ждет, когда ты к нему переберешься.

– Нет, – еще ниже опустила голову Майя. – Не могу... это такой удар... мать бросила своих детей... Мальчишкам будет стыдно за меня... Обязательно об этом узнают в школе, будут подначивать, дразнить и провоцировать мальчишек на драки – дети бывают очень жестокими. Как им жить, когда будут со всех сторон кричать: мать шлюха, бросила их. Никита с Данилой не простят мне... К тому же Стас обязательно выполнит свое обещание: я никогда не увижу своих детей, значит, не смогу им объяснить, что двигало мной...

– А может, ты не хочешь терять Стаса из-за его денег? Борису далеко до уровня твоего мужа, в чем-то придется себе

отказывать, а ты не привыкла...

Жестоко. И несправедливо. Майя подняла на нее глаза, у нее дрожал подбородок, еще немного и – хлынут слезы.

– Как ты могла подумать... – с трудом выговорила и снова опустила она глаза, кусая губы.

Опираясь руками о стол, Галина откинулась на спинку стула, словно у нее возникло непреодолимое желание рассмотреть Майю на расстоянии, хотя бы небольшом. Заблуждения – величайшая глупость, но люди почему-то предпочитают эфемерные дебри, заранее мучить себя, чем разрешить проблему с конкретным человеком. Галина к страданиям и мучениям относилась скептически – когда касалось ее, конечно. Ей проще сразу разрубить узел, а потом смотреть по обстоятельствам, как действовать. Но таскать в себе страхи с ужасами, что-то там фантазировать из области криминальных разборок и заранее дрожать от собственных выдумок, которые в девяносто девяти процентах не осуществляются, это называется шизофренией. Майку было жалко, Галина любила ее как сестру, даже больше – как дочь, часто прикрывала во время загулов с Борисом, только вдолбить ей в голову разумную мысль не удавалось. А ведь Майка не дура, не шлюшка, не легкомысленная, как раз все наоборот. Однако так бывает: программа дает сбой, и те изменения, которые в результате произошли, невозможно вернуть в первоначальное состояние.

– Майя, – начала Галина со вздохом, – я не собираюсь чи-

тать тебе мораль, но ты совершаешь ошибку, которая может дорого стоить. Все надо делать вовремя. Я со своими мужиками разбиралась сразу: развод и девичья фамилия, мол, люблю другого. Делала так до того, как оказывалась в постели с этим другим, понимаешь? Если мне рожки наставляли, расставалась без слез, сожаления и упреков, уговоры, мол, я больше не буду изменять, на меня не действовали. Люди, живущие вместе, должны следовать правилу: не обманывать. А за спиной... нехорошо это, оскорбительно.

– Все, все! – подняла ладони Майя, но в ее глазах блеснули слезы. – Боря уезжает в Германию через три месяца, а я остаюсь...

– А он звал тебя с собой?

– Звал, – понуро ответила Майя. – Конечно.

– Понятно.

Пожалуй, никто так не понимал Майю, как Галина, поэтому, услышав в слове «понятно» сочувствие, искреннее и по-матерински нежное, она расплакалась. Слезы не выход, никому еще не помогли они разрешить проблемы, даже утешить вряд ли способны вопреки уверениям с древних времен. Майя плакала беззвучно, не получая облегчения, кусая губы и вытирая слезы украдкой, стесняясь их и не имея сил укротить свою слабость.

Галина тонко уловила, что до истерики один шаг, стоит обласкать Майю жалостью – естественным проявлением человечности, вовсе не унижающим, а поддерживающим. Она

бы обняла несчастную, по головке погладила, но здесь не место сантиментам, это же улица. Из арсенала утешительных средств Галина лишь положила ладонь на кисть руки Майи, нервно комкающую салфетку, и попыталась убедить:

– Значит, ты решила сохранить семью. Что ж, разумно. Думаю, будь у меня дети, я тоже выбрала бы семью и детей, но сложилось иначе, поэтому я не считала нужным притворствоваться. Тебе есть что терять... стабильность, например. Благополучие. Стаса, в конце концов! Он тебя любит – это, поверь, немало. Ну? Успокоилась? Тогда действуй, надо встретиться с шантажистом, выяснить, что ему нужно. Звони ему.

– Как! – испугалась Майя. – Прямо сейчас?

– Номер есть, звони. Спроси, чего хочет, предложи встретиться. Может, шантажисту нечем бить, может, он берет тебя на банальный понт.

– Правда? – оживилась та, даже повеселела. – То есть... это разводилово? Мошенничество. Ну, да... Доказательства! Они вряд ли есть у этого... Мы с Борей тщательно следили... Я звоню!

Майя взяла смартфон, выбрала номер и, не без трепета, нажала на звонок. Связь включила громкую, чтобы и Галина слышала, от нее секретов нет, а та спокойно курила, не сводя с нее маленьких, но мудрых глаз, в которых стояла жалость. От этого взгляда Майе стало неловко, словно она виновата перед Галиной, впрочем, ей от самой себя и перед

собой неловко. Абонент не ответил. Галина указала подбородком на смартфон, дескать, вызывай еще, Майя нажала на вызов. Шли гудки. Обе подумали, опять мимо, но:

– Да?

Голос оказался плавающим, тягучим, нереальным, определить по голосу пол – невозможно, словно это инопланетное существо, а не человек говорил.

– Я Смолина Майя, – уверенно начала она, ей мобилизоваться перед микрофоном больших трудов не стоит. – Как понимать ваши послания?

– Там написано, – тягуче ответил голос в трубке.

– Хорошо, поставим вопрос иначе: что вы хотите?

– Скоро узнаешь.

– Давайте встретимся, вы объясните...

– Исключено.

– А если я обращусь в полицию? Как такой вариант?

– Тогда твой муж узнает про тебя все.

О слезах Майя забыла, она уже чувствовала себя на коне, потому что от прямых вопросов шантажист уходить не будет, а выдвинет давно обдуманные требования, как ей представлялось.

– А что – все? – спросила она. – У вас есть доказательства?

Пауза. Майя подняла глаза на Галину и робко улыбнулась, мол, ни черта у инопланетянина нет, в этот момент в трубке ответили:

– Ты получишь доказательства. Жди.

Короткие гудки вызвали у Майи неподдельную радость: проблема прощупана, оказалось, не так страшен черт, как его малюют, но Галина ее охладила:

– Не спеши сиять, рановато. Это у тебя нервическое, боюсь, скоро пройдет. Ох, Майка, не нравятся мне эти приемчики – давление на психику, угрозы, искусственный голос... есть программы, меняющие голос хоть на тигриный рев. Не знаю, что-то в этом чувствуется замысловатое, подлое. Майка, в следующий раз запиши ваш диалог, если вы будете еще разговаривать, а я выясню, можно ли выделить из записи настоящий голос как он есть. Любопытно, что за доказательства у этого типа или этой заразы? Будем считать, что это – он.

– Он отказался от встречи, а компромат передают из рук в руки...

– В старых шпионских фильмах, – ухмыльнулась Галина. Поражалась она Майке: только что хлюпала носом, но чуть забрезжила надежда, даже не надежда, а так... глупышка ликует! Теперь следовало спустить девушку на землю.

– Что ты имеешь в виду? – тем временем напряглась Майя.

– Ничего. Так, мысли вслух – что вижу, то и пою. Понимаешь, шантажисты действуют по одной схеме, а вот методы, я допускаю, у них могут быть разные. Поэтому предугадать, что они выкинут, не берусь. Мы с тобой понятия не имеем, какие у нашего шантажиста есть козыри.

– А если никаких нет? Ты же сама говорила...

– Я говорила, чтобы заставить тебя действовать. Теперь ждем, что будет дальше, больше мы ничего не можем предпринять. И последнее: таблеток от любви не выпускает фармацевтическая промышленность, так что сама собери волю и прекрати с сегодняшнего дня встречи с Борисом. Все так все! Слышишь?

Слышать-то слышала, да что из того? Если бы так просто было – сказать и сделать, Майя давно бы забыла, как выглядит Борис. Во всяком случае, попытка не пытка... а вдруг получится?

* * *

День прошел. Второй и третий пролетели... Четвертый...

Борис пропадал на работе, попутно оформлял документы на квартиру, короче, не беспокоил, а Майя не звонила ему, стало быть, выдержка уже есть. «Инопланетяне» не давали о себе знать, семейная жизнь текла без изменений, если не считать постоянного тремоло из-за ожидания следующего удара шантажиста (или шантажистки). А на работе она всячески заглаживала свою вину, отработывая на совесть часы прогулов, поэтому ею были довольны... не все.

Снежана вела себя странновато – дерзила, ухмылялась без причины, свысока общалась. К сожалению, в крошечном кабинете, где с трудом помещаются два стола с компьютерами

и четыре стула, не абстрагируешься от невоспитанной идиотки, все равно перекинешься несколькими словами. Майя свела к минимуму контакты, однажды не выдержала и спросила у Наны прямо в коридоре:

– Какая болезнь прихватила нашу Снежану? Звездная или проще – она стала фавориткой шефа?

– Шутишь? – копаясь в толстой папке, сказала Нана. – Любовницам шеф выделяет отдельные апартаменты... Вот текст объявлений... вот еще... это реклама. Беги к Антошке, начитаешь, а он запишет, это срочно. Стой! Возьми приблизительные вопросы на прямой эфир...

– Ненавижу прямой эфир, – обреченно вздохнула Майя.

– Да кто ж это дело любит? Только слушатель. В гостях будет второй замглавы администрации, у него не очень получается выразить мысли... немного тормозит... Его помощник составил список тем и вопросов, но слишком сухо. Чтобы эфир не превратился в тяни-толкай, сама подкорректируй вопросы, ну, чтоб заковыристо звучало... типа по-умному. Наводящие вопросы задавай, интересуйся, как преодолеваются трудности в жизни города, а трудности помощник записал...

– Так он обидится, если буду перебивать, – предупредила Майя.

– Ты у нас женщина привлекательная, обаятельная, модная... Да он глазки тебе будет строить. Короче, подготовься к этой мутотени со всей ответственностью, чтоб живенько,

бодренько, как ты умеешь, – это пожелание шефа, а то наша программа «Вопрос-ответ» далека от совершенства.

Данную передачу ведет, кстати, Снежана, а Майя в основном на подхвате, у нее ведь своих забот полно, тем не менее именно ей поручают беседы с высокопоставленными особами. Вероятно, Снежана заранее узнала, что высокочтимый чиновник не ее добыча, потому и вела себя вызывающе нагло, так сказать, мстила хотя бы таким образом. Мелковато. Главное, работа с данным контингентом почему-то считается престижной, а по мнению Майи, вести беседу про трубы, асфальт, инвестиции и инновации хуже реальной виселицы.

К эфиру она изучила список «трудностей», составила вопросы, а через час встретила в студии не только с замом, но и с его помощником. Пятьдесят минут болтовни о хозяйственной деятельности в масштабах города... это с ума можно сойти. Майя то и дело ловила себя на мысли: неужели кто-то слушает эту тоску зеленую из цифр и сроков? Вдруг звонок! Пенсионер требовал отчета... Майя думала, что уснет летаргическим сном с открытыми глазами, еле до конца дотянула и помчалась в туалет умыться, чтобы в себя прийти. Там же она включила смартфон (на время передач телефоны отключаются) и положила на столик, сразу раздались сигналы эсэмэс – один за другим, один за другим...

Вытирая лицо салфеткой, Майя открыла одно сообщение... и покачнулась. В глазах потемнело, пробил холодный пот, а весь мир сузился до смартфона в ее руке. В поисках

опоры Майя двинула по туалетной комнате, даже не глядя, куда идет, уперлась в стену, развернулась и облокотилась о стену спиной, чувствуя холодок от кафельной плитки, облокотилась, чтобы окончательно не упасть. Ноги действительно подкашивались.

А эсэмэски приходили с надписью «Доказательства»...

В этот момент, когда соображаешь плохо, когда не хватает воздуха, чтобы дышать, а значит, жить, да и сама жизнь, казалась, ускользающей, вывел Майю из шока звонок мужа. Не без труда она подняла трубку к уху и выговорила:

– Я слушаю, Стас...

– Что у тебя с голосом? Заболела?

У него полный порядок, он бодр и весел, тогда как Майя чувствовала, что умирает, она плохо справлялась с собой, но все-таки справлялась:

– Нет... Был трудный эфир... прямой... я устала... и... голова болит...

– Ничего, отдохнешь. Я должен уехать на два-три дня в Питер, это срочно, так что когда придешь домой, не застанешь меня. Видишь, я предупреждаю тебя, что буду долго отсутствовать.

– Но... – растерялась и одновременно обрадовалась Майя. – Тебя нужно собрать... вещи... и все такое...

– Не волнуйся, я уже собрался. Думал, не успею сообщить, что уезжаю, твоя передача слишком долго шла и так нудно...

– Ты слушал?..

– Ну! И собирался. Ты, как всегда, на высоте, молодец, хотя тема не твоя. Все, сейчас придет машина... уже пришла, вижу в окно. Не скучай, пока.

– Пока...

Это хорошо, что он уезжает, очень хорошо. У Майи есть время...

6

Домик с мансардой достался Михаилу от дедушки с бабушкой, а сами они переехали к родителям, старые уже, им нужна помощь. Подарку он радовался с детской непосредственностью, и было чему. Во-первых, потолки в доме высокие, во-вторых, гараж есть, в-третьих, свобода полнейшая. А родители мечтали, что, когда сынок будет жить один, быстрее женится, ведь он привык к уходу и заботе. Но сынок быстро научился гладить рубашки и готовить себе нехитрую еду, наслаждался одиночеством и не торопился приобрести жену даже на правах сожительницы. Михаил, конечно, не предел мечтаний, однако для женщин, которых в стране большинство, он цель, потому что одинокий мужик – потенциальный муж, стоит только приручить парня. Но перед глазами Михаила промчался со всеми подробностями неудачный брак Бориса, не вдохновлявший на крепкие узы. И потому, едва заметив у очередной подружки маниакальную идею «жить вместе» (с этого началась драма друга), Михаил улепетывал от нее на всех парах. Не любил он женщин с инициативой, а другие ему не попадались, может, их вообще не существует – других.

Теперь за ворота Михаил выходил с опаской – не хотелось снова напороться на Ляльку, которая, как атомный заряд, способна разрушить все на своем пути. А чутье подска-

зывало: она не успокоилась, будет доставать его, не гнушаясь средствами. Поэтому, прежде чем выйти на улицу, Михаил изучал обстановку в щель забора, но, черт возьми, вся улица засажена кустами, деревцами, цветами – везде можно спрятаться, даже под носом. Он открыл одну часть ворот и едва не вздрогнул – Лялька стояла перед гаражом, запахнув легкий синий тренч и скрестив на груди руки. Как чувствовал! Судя по тому, как она наклонила голову и смотрела исподлобья на него, Михаил понял, что легко от нее не отделается.

– Ну, ладно, – сказал он без приветствия, – заходи.

Ляля вошла в гараж, а из него дверь ведет в небольшой дворик с каменной дорожкой и узкими цветниками по бокам, за которыми росли плодовые деревья. Идя к дому, незваная и нежеланная гостья заметила:

– Ты вроде не рад мне.

– Как ты догадалась?

Если не знать Михаила, можно подумать, он съехидничал, а ничего подобного. Он человек искренний, говорит, что думает, обижаться на него глупо, Ляля и не обиделась, у нее сейчас другие задачи.

Пришли на открытую террасу, в дом ее приглашать – много чести, иначе застрянет надолго. Ничего, что сегодня прохладно и пасмурно, зато воздух свежий, главное – большой навес от дождя, так что непогода не страшна. Ляля села на стул у стола, за которым летом обедали и ужинали, Михаил остался стоять, опершись плечом об угол стены, тем самым

дополнительно давая понять бывшей жене друга, что не намерен долго изображать гостеприимство.

– Что, и чаю не нальешь? – подняла брови Ляля.

– Не налью. Нет чая, я собрался по делам, заодно по магазинам проехаться, а тут ты... Давай, говори, зачем приехала в такую даль?

– Борька живет у тебя?

– Жил. Вчера ночевал в другом месте.

– Он купил квартиру.

Огорошила. Не вопрос задала, нет, а утверждала! Вот откуда Лялька могла узнать, что Боря купил квартиру? Следопыт, а не Ляля! Михаил молчал, чтобы не ляпнуть лишнего, а то эта выдра поймает его на слове и выведает подробности, она умеет. Михаил не идиот, которого легко провести, просто в современном мире качества, которые во все века считались достоинствами, получили статус недостатков. Он патологически не может врать – легко жить такому человеку? Ко всему прочему предпочитает в глаза сказать то, что обычно говорят за спиной; юлить, изворачиваться – не его приемы. А в результате умницы типа Ляльки считают его дурачком блаженным и безвольным лохом. Наверное, не без оснований, потому что нельзя позволять брать верх людям без моральных ограничений, нужно их ставить на место хотя бы изредка.

– Где он теперь живет, ты, конечно, не скажешь, – не спускала с него рыбьих глаз она. По ней никогда не определишь,

что она задумала, но по рыбьим глазам понимаешь: надо быть начеку. – Ладно, не говори, я сама выясню. Мишка, скажи... Боря едет работать в Германию, это правда?

У Михаила челюсть отвисла – про Германию как она узнала? От кого?! Бедный, бедный Бориска... ему грозит рейдерский захват. Надо было видеть, сколько в бледно-голубых глазах жены друга светилось провокационного торжества, даже Михаила задел этот алчный блеск.

– Ляля... – заговорил он после паузы. – Когда у вас развод?

– Завтра.

– Тогда какая разница, куда едет Борька? Тебя уже это не должно касаться, так ведь?

– А как он будет давать деньги мне на содержание сына? Я пока не нашла работу...

– Не искала, – робко уточнил Михаил.

– Некогда было. У меня же стресс! Думаешь, приятно, когда тебя бросают? Знакомым нужно как-то объяснять... и выглядеть при этом *comme il faut*. Все его претензии ко мне абсолютно безосновательны, я же хочу как лучше... для всех! Женщина всегда больше понимает, как обустроить быт, создать атмосферу в семье, знает, что посоветовать. А он взъелся.

Вообще-то с ней сложно разговаривать, потому что невозможно ни в чем переубедить, а это игра в одни ворота и пустая трата времени. Но что не сделаешь ради друга, даже по-

пытаешься пока еще законную стерву убедить быть человеком. Михаил присел на стул напротив Ляли, положил свои большие кисти на стол, переплетя пальцы, и сказал по-доброму:

– Лялька, на фига тебе все это нужно?

– Что именно? – подалась она к нему.

– Ну, так настаивать?.. Горшок разбит, склеить уже не получится, потому что... потому что... не любит тебя Борька, понимаешь?

– Ну и что? У нас ребенок!

– И ты его не любишь, – перебил Михаил. – Лялька, расстаньтесь мирно... цивилизованно... Будете дружить ради ребенка...

– Мишель, при чем тут вся эта твоя лабуда про любовь? Помимо нас с Борей есть сын, он не должен чувствовать себя ущербным. Что значит – у ребенка нет отца? У всех есть, а у него нет? Это нанесет удар по психике Болека. Я права?

С ее доводом не поспоришь, все правильно, но... в этом благородном желании сохранить для сына семью слышалась едва заметная насмешка, что обескуражило Михаила. И как с Лялей вести диалог, если из нее прет высокомерная натура, которую она прикрывает белозубой улыбкой? Разумеется, не все так безнадежно плохо в ней, не все отталкивает. Например, у многих первое впечатление, что перед ними сказочная принцесса, она покоряет очарованием. Ляля бывает радушной, по-настоящему славной, но только когда все обсто-

ательства выстроены ею от начала до конца, а остальным следует встраиваться в ее программу. Шаг влево, шаг вправо – расстрел, не меньше. Ну, вот такой ее вырастили мама с папой, так любили дочь, так обожали... теперь сами не рады. Но это их проблемы, пусть они и расхлебывают.

– Короче, – встал он со стула, – ты не хочешь меня услышать. Тогда иди к Боре, он лучше объяснит, что к чему. Извини, я тороплюсь.

– Угу, – поднялась и она, сняла со спинки стула сумочку.

– Тебя подвезти? – спросил Михаил.

– Угу.

Подвезти предложил исключительно из вежливости, надеялся – откажется, потому что Ляля его недолюбливает. Логика проста: раз не испытываешь к человеку симпатии, лишние полчаса с ним не проведешь, тем более выяснила все, что ее интересовало. Михаил завел мотор и тронулся с места, осведомившись у Ляли, куда доставить.

– Домой, – ответила она. – Значит, Борька купил квартиру... то есть у него были деньги, которые от меня он скрыл.

Михаил не ожидал такого поворота, кровные интересы Ляли, оказывается, выдает порциями. Куда она клонит, он быстро сообразил и разошелся, встав на защиту друга:

– Не мечтай, что он отстегнет тебе от потраченной на квартиру суммы. Ты и так получаешь все, он не стал делить барахло, хотя имел право. Борька работал один и содержал тебя с Болеком, он пахал днем и ночью, а ты порхала в веч-

ных поисках высокооплачиваемого смысла.

– О! Мишенька... – заворковала Ляля и рассмеялась. – Что-то новенькое: ты ехидничаешь? Ты?!

– И не думал. Просто не понимаю, почему ты держишь людей за дураков? Считаешь, стоит тебе сильно захотеть, и Борька вернется? Раньше надо было думать, теперь поздно возвращать, он не вернется.

– Не вернется, потому что у него есть баба! – прорычала оскорбленная Ляля. – Я знаю, есть.

Вот она – главная цель. Лялька притащилась разнюхать подробности о «бабе» бывшего мужа, как будто Михаил ей подружка-сплетница. И как же быстро она меняется, как будто в ней переключатель работает: слезы, смех, ярость.

– И что? – индифферентно произнес он.

– Как – что! – завелась Ляля. – Вы все знали и мне – ни слова! Это непорядочно по меньшей мере. Я-то чувствовала что-то не то, отсюда и нервы сдавали, а вы... вы не помогли мне! Если бы я знала, то предприняла...

– Комплекс вины не повесишь, не старайся, – оборвал Михаил, не выносивший фальшивых страданий. – Слушай, откуда ты все это взяла?

– Мир слухами полнится, – огрызнулась Ляля.

– То есть тебе кто-то напел в уши, – догадался Михаил, – а ты пришла ко мне узнать имя той, которая отняла у тебя Борьку. Мимо. Выходи, ты приехала.

Нехотя она отстегнула ремень безопасности и посмотрела

на него, как будто ждала от добряка Миши чего-то сверхъестественного, что облегчит ее горькую долюшку, а он даже краем глаза не повел в ее сторону. Итак, разжалобить не удалось, Ляля открыла дверцу и спрыгнула на землю, но не поставить точку – это была бы не она:

– Неправильно думаешь. Имя и без тебя узнаю, поверь, для меня это несложно. Я пришла за поддержкой, пониманием, помощью. Ты, как друг, обязан удерживать Борьку от глупого шага, он потом будет жалеть, но... Ты плохой друг.

Едва она захлопнула дверцу, он утопил педаль газа – благо переулочек свободен. В зеркало заднего вида Михаил наблюдал за Лялькой, она стояла с неммым укором, похожая на памятник всем несчастным и обманутым женам.

– Вот зараза! – процедил он, сворачивая на главную дорогу и одновременно делая вызов по телефону. – И мысли не допускает, что сделала все возможное и невозможное, чтобы Борька ушел... Алло, Боря, это я. Короче, твоя приезжала ко мне домой, она подозрительно много знает про тебя...

* * *

– Понял, – сказал Борис. – Спасибо, Мишка...

– За что спасибо? – послышался из трубки возмущенный голос. – Лучше подумай, чем она тебя может приложить.

– Да ничем. Это все бессильная злоба, не переживай.

– Ладно, не буду. Пока.

Борис положил свой телефон рядом на диван и, снова взяв Майкин, углубился в просмотр. Диалог она слышала по громкой связи и теперь растерянно водила глазами по голым стенам, сидя на единственном стуле, который Борис принес из кухни.

Квартиру он купил в старом доме (сталинка), две комнаты: одна – гуляй не хочу, вторая поменьше, два балкона (второй этаж), просторная кухня. Здесь нужен ремонт, он, конечно, перекроет деньги, которые удалось сэкономить при покупке, – хозяйева прилично уступили, потому что их поджимало время, они уезжали в другой город. Борис не успел обзавестись мебелью, приобрел только диван, журнальный столик на колесах, стол и стулья для кухни, от старых хозяев остались шторы. Пока нет ни шкафов, ни кресел, ни нормального освещения, собственно, сейчас Борису уют в доме и не нужен, он все равно уедет.

– Тебе звонят, – вывел ее из задумчивости он.

Майя взяла протянутый смартфон, подумала, стоит ли разговаривать или чуть позже самой перезвонить, потом решила ответить:

– Да, папа?

– Майя, отчитываюсь: еду за мальчиками. А бабушка хочет, чтобы я привез их к нам за город. Не возражаешь?

– Не возражаю.

– А чего у тебя голос такой... тусклый, грустный?

– Работы много... писанины...

– В таком случае не буду мешать. Хочешь, тоже приезжай.

– Я подумаю. Маме привет.

Майя молча отдала трубку Борису и запахнула плащ, который впопыхах забыла снять (она торопилась показать ему «доказательства»), уставилась в пол. Полы паркетные, но старые, высохшие, потрескавшиеся... Вдруг Майя подняла голову, ее осенило:

– Ей кто-то сказал!

– М-м? – оторвался Борис от смартфона.

– Я говорю, твоей жене кто-то рассказал... и про Германию, и про твою там работу... и про меня... квартиру... Кто-то в курсе твоих дел!

– Возможно, – согласился Борис. В отличие от Майи он был абсолютно спокоен, причина проста: – Лялька уже не жена мне, поэтому! Что бы ей там ни доносили, я чихать хотел на ее реакцию.

– Да, конечно... конечно... Просто я к чему: раз ей донесли о твоих планах, то добивались каких-то результатов. Вопрос – каких?

Она совсем пала духом, повесила нос в прямом смысле, а в таком состоянии ни один человек не может адекватно оценивать ситуацию, не способен выстраивать свое будущее и противостоять, как это ни банально звучит, вызовам. А ведь кто-то бросил им вызов, беспардонно влез в частную жизнь, пусть далекую от святости, удачно базирующуюся на обмане, но это их дело, им и ответ держать, прежде всего перед

собственной совестью. А она, совесть, пока молчит, потому что любит. Так полагал Борис, глядя на съезженную Майю, пытавшуюся собрать мысли в кучу, и, надо отдать ей должное, что-то шевельнулось в голове. Внезапно она вскочила, заходила по комнате, разводя руками, словно это помогало ей найти нужные слова, и нервно выдала:

– А твоя... то есть Ляля... она не могла все это сделать?.. Нет-нет, не говори сейчас ничего! Ты подумай. Разве Ляля не чувствовала, что ты изменяешь ей? Она женщина! Интуиция у женщин сильная... сильнее ума. И потом, как я поняла, она любит тебя... по-своему, но любит...

– Не любит, – мягко возразил он. – Она даже сына не любит, в ее природе не заложен инструмент любви к ближнему. У Ляльки один пунктик: чтобы ей было комфортно, удобно, сейчас это довольно распространенный тип маленького тирана, уверовавшего, что мир создан для него. А веру внушили ей родители, она же, пока росла, не знала слова «нет», привыкла быть центром вселенной. Больше скажу, ее мать прекрасно меня понимает, да и отец втайне на моей стороне.

– Но она не хочет тебя отпускать!

Борис подошел к ней, обнял, крепко прижав к себе, и приложил губы к виску, сейчас главное – не дать ей окончательно расклеиться. А Майя немного отстранилась, заглянула ему в лицо и, уже свято веря в то, что ей пришло на ум, захлеб убеждала:

– Нет, ну, подумай! Кто еще может быть заинтересован

раздавить меня? Элементарная месть за то, что я отняла тебя. Мало кто реально оценивает разрыв и свою вину, а женщины так особенно не способны принять тот факт, что ее бросают. Она до конца будет барахтаться в собственной боли, пытаясь склеить разбитый горшок... Ведь откуда-то Ляля узнала... Боря, если это она... ты поговоришь с ней, и я... я сделаю все, что Ляля потребует, все!

Борис погладил ее по щеке, отрицательно покачал головой, развеивая надежду уладить инцидент:

– Майя, поверь, Лялька... она слишком глупа для таких коварных выпадов. Выслеживать, подобраться так, чтобы мы не заметили, наконец, сделать снимки. Нет, сама она не могла снимать, это немислимо: видеть мужа с другой на пике страстей. Лялька ворвалась бы и устроила разгром, а таиться, плести заговор... никогда не поверю. Иди сюда... присядь и успокойся...

Борис усадил ее на диван, взял смартфон, открыл первое «доказательство», пожалуй, это самая пуританская фотография. Майя и Борис целуются, сидя на постели, разумеется, обнажены, но снимок запечатлел их по пояс. А вот следующие фото... в формате порнорепортажа, это жуть.

Итак: оба во время активной фазы секса, она сверху, ракурс сбоку. Еще: Майя прижата спиной к стене, обхватила ногами Бориса, а какая у него спина, ягодицы – есть чем полюбоваться. Следующий: Майя в коленно-локтевой позе, Борис сзади, ее лицо... ну, тут понятно, какие ощущения пе-

реживает она, все эмоции отражены – камера документально воспроизвела акт, она безжалостна. Далее – камасутра: ноги Майи на плечах... Потом от тантрического секса кое-что. В том же духе и остальные «доказательства», которые боже упаси кому бы то ни было показать! Всего тринадцать убийственных фоток, чертова дюжина, наверное, число тоже несет некий смысл, ведь достаточно и трех снимков, чтобы напрочь лишить покоя Майю. У нее останавливалось сердце от одной только мысли, что посторонний человек находился совсем рядом в момент, когда они с Борисом были уверены: есть он и она, их чувства и тела, нуждавшиеся в выхлопе страстей.

– Посиди, я перекину снимки в комп, – сказал Борис, встав. – Да... и сними ты плащ, а то сидишь, как будто тебя обокрали на вокзале. Можешь полежать.

– М-да... обокрали... – проговорила Майя, поднявшись, чтобы снять плащ. – А знаешь, Борька, похоже. У меня ощущение, как будто внутри потоптались, потом выкрали душу и выбросили за ненадобностью, теперь там пусто и страшно. А зачем тебе наши фотографии?

– Попробую определить, где и когда нас снимали, – копаясь в чемодане, доставая всяческие проводки, сравнивая их, сказал Борис. – И откуда примерно велась съемка.

– Какая разница?

– С чего-то следует начать. Ты ведь хочешь знать, кто вторгся в наши отношения? Нет, это нужно выяснить обяза-

тельно! Сволочь надо знать в лицо, чтобы не допустить приближения еще раз. Черт, переходник ни один не подходит к твоей трубе... Сделаем иначе, перекину сначала в свой айфон.

Майя сняла плащ, поискала – куда его деть – и бросила на спинку стула, потом все же легла, ощущая невероятную усталость в теле, ногах, голове. Даже здесь, в необжитом Борисом месте, с абсолютно чужими запахами, она чувствовала себя уютно, наверное, правы были предки – с милым рай и в шалаше.

А за окном зашуршал по листьям дождик, спустя секунды он отбивал ритм по подоконнику с внешней стороны, почти сразу потянуло осенним дыханием. Окно открыто, Майя наблюдала за шевелением листвы под тяжелыми каплями, за сгущающимися сумерками, и неожиданно ее потянуло в сон, будто ни забот, ни хлопот у нее нет. Поскольку спешить некуда, к счастью, дома ее никто не ждал, ничего не нужно придумывать, чтобы красиво солгать, она закрыла глаза и лежала, расслабляясь, чего с ней не случилось с момента получения первого письма. Даже ночью снилось разоблачение, стыд перед сыновьями...

Борис закрыл окно, стекло сразу усыпали капли, и, вернувшись к дивану, накрыл Майю пледом, кстати, он всегда проявлял о ней заботу. Невольно (но это случалось постоянно) она сравнивала его с мужем, сравнение было не в пользу Стаса, который зациклен на себе. Нет, он любил ее и де-

тей, только странную любовь: для себя, для своего удовольствия, для престижа. Если не перед кем покрасоваться, мол, это мои жена и дети – любуйтесь ими, Стас терял к ним интерес, а то и вовсе забывал про них, особенно дома. Конечно, это слабое оправдание походов налево, потому совесть регулярно давала знать, что она у Майи есть. В этом смысле Борису повезло больше, если уместно так выразиться, его совесть жила в гармонии с ним. Но у него и ситуация другая, прямо сказать, значительно хуже: Ляля действительно его доконала. С другой стороны, в чем-то схожесть Ляли и Стаса налицо, ведь оба собственную персону ставят выше всего. Правда, есть и существенное различие: муж Майи все-таки не радикал в семейном быту. Но не сегодня об этом думать. Сейчас хочется лежать, наслаждаться покоем и безопасностью.

Тем временем Борис, придвинув столик ближе к дивану, поставил на него ноутбук, включил. Пока компьютер загружался, он занялся пересылкой компрометирующих снимков с телефона Майи на свой номер, потом подключил свою трубку к ноутбуку. Увеличенные фото на мониторе впечатляли сильнее, давали объем и выпячивали подробности. Борису тоже пришла «интересная» мысль, которую он озвучил:

- Скажи, Майя, а почему ты исключаяешь Станислава?
- В каком смысле? – сонно промямлила она, не открывая глаз.
- А если Стас узнал про нас и завернул этот триллер?

Майя повернулась на бок, подперла голову рукой и вполне логично возразила:

– Он бы в ту же секунду, как узнал, прибил меня насмерть. И тебя в том числе. Это в худшем случае. Улучшенный вариант – выставил бы из дома, не дав собрать чемодан и проститься с детьми. Боря, ну какой мужчина стерпит, что жена наставляет ему рога? Судя по снимкам, фотографировали нас в разное время, значит, слежка за нами велась давно, так? И что, Стас все это время делал вид, будто ничего не знает? Вот так взял и отпустил очередной раз жену к любовнику, потом крался за ней и подглядывал, как она занимается любовью с другим мужчиной? У меня прекрасно работает воображение, но подобную картину я представить не в состоянии, потому что ее не может быть.

– Ну, не сам бегал, а нанял шпиона.

– Но фотографии-то в руках держал! И ни разу не прокололся? На такую выдержку Стас не способен, нет. Да никто не способен. И потом, а какова тогда цель у него? Для чего ему, зная обо мне правду, устраивать розыгрыш с письмами и компрометировать снимками? Не вижу ни логики, ни смысла.

– Действительно, ни логики, ни смысла... – озадачился Боря. – Значит, Ляльку исключаем, Стаса тоже... А завистники? У тебя они есть?

Теперь и Майя задумалась. Честно говоря, все эти страсти-мордасти с завистью, подсиживанием, склоками, стука-

чеством и прочими «радостями» из той же серии пролетали мимо. Ей просто недосуг было заниматься ерундой. Три с половиной года Майя выкручивалась, проявляя чудеса изобретательности, чтобы встретиться с Борисом, к тому же у нее двое детей, семья, родители живы и тоже требуют внимания. Когда ей предложили работать на телевидении, собственно делать то же самое, только в кадре, она отказалась наотрез. Стать публичным лицом, а как же свидания? Зайдет в гостиницу, ее сразу узнают все от админа до горничной – при таких обстоятельствах разве удастся сохранить встречи в тайне? Поэтому все, что не попадало в плоскость кровных интересов, отметалось, как ненужный компонент к сладкому пирогу, отсюда она даже не задумывалась, есть ли у нее завистники. А вдруг есть? Та же Снежана... какого черта она заняла вражескую позицию? Впрочем... У Майи на радио стабильная ниша, ее уважают, поручают самые ответственные передачи, а девочке хочется в авангарде скакать, отсюда с ее стороны зависть вполне закономерна. Но вряд ли Снежана способна на гнусь. А если способна?

– У любого человека найдется завистник, наверняка не один, я так полагаю, – неуверенно произнесла Майя. – Зависть штука ядовитая... это жгучая обида на Вселенную за то, что обделила. А сделаешь пакость человеку и вроде как восстановишь справедливость по отношению к себе – наверное, так выглядят последствия зависти. Не знаю, может быть, кто-то из моих завистников закрутил интригу...

Борис прилег рядом, голова Майи сразу перекочевала на его плечо, некоторое время оба слушали брюзжание дождя.

– А знаешь, какая идея пришла Галине? – вспомнила Майя, но ведь сейчас желательно вычислить направления, в которых следует искать негодяя фотографа. – Что, возможно, через меня хотят достать Стаса.

– Путь слишком сомнительный, – сказал Борис. – Зачем, скажи на милость, охотиться на тебя, если можно собрать компромат на твоего мужа?

– Просто Стас мне не изменяет...

– Всегда можно найти выгодный ракурс и выдать его за близкие отношения, например, с секретаршей...

– Секретарша? Ха! Ей сто лет в обед будет.

– Да с кем угодно. Руку кому-то на деловом завтраке поцеловал – и уже компромат можно состряпать. А если подослать девицу с заданием создать ракурс...

– Убедил. И почему не подослали?

– Твой муж бизнесмен, у него наверняка есть черные дыры в бизнесе, куда мечтают залезть любители легких денег. Говоришь, через тебя хотят достать Стаса? То есть цель – сломать, нанести моральный удар? А зачем тогда тебе присылают порнографический набор? Сфоткал – и вперед, отправляй напрямую.

– Денег хотят содрать с меня.

Интрига не казалась Борису лапотно-простой, ведь одновременно началась атака не только на Майку, на него тоже,

если брать во внимание Ляльку. Кому понадобилось сообщать бывшей жене о приглашении на работу в Германию? Некто настолько в курсе его дел, что даже знает про «бабу» Бориса, о чем доложил Ляльке. На что расчет? На скандал, битье посуды, махание кулаками? То есть его хотят отвлечь от Майи, тем самым оставить ее одну? Значит, о разводе Бориса интриганы не знают. Итак, Майку кто-то начал прессовать, одновременно под пресс заталкивают его... вряд ли это совпадение, тут чья-то продуманная рука и заинтересованность, выходящая за рамки банальной интриги.

– Боже, как хорошо с тобой... – промурлыкала Майя и теснее прижалась к нему. В руках Бориса, обнимающих ее, она чувствовала себя защищенной и счастливой, было тепло и спокойно, даже совесть не тревожила, вероятно, задремала под шумок дождя.

– Майка...

– М-м?

– Ты же не уйдешь сегодня?

– И не надейся. Мне страшно ходить по двум уровням квартиры и думать, что в эту минуту за мной наблюдает какая-то гадина.

– Так ты трусиха?

– А то! Я с детства боюсь темноты. Когда одна, мне кажется, в темных углах прячется страшное чудовище, не имеющее плоти, но имеющее силу... Скорей всего я больше боюсь того, что создает воображение, боюсь увидеть это глаза-

ми, чем того, что со мной может сделать мое чудовище. Но я нашла способ победить страх – включаю свет.

– Ты не перестаешь меня удивлять. Взрослая женщина, мать, популярная ведущая на радио и вдруг нелепые детские страшилки.

– Угу, мне стыдно, – улыбнулась Майя, приподняв лицо и заглянув в глаза Бориса. – Очень-очень.

Он не стал уговаривать ее уехать с ним, а как раз наступил подходящий момент, но таких моментов будет еще много, ведь говорят же – вода камень точит. Борис уложил ее на спину и поцеловал в губы, чувствуя, как ее тонкие пальцы запутались в его волосах.

В фойе, отделившись от ресепшен-стойки, навстречу Майе, которая вошла с улицы, двинулась большая фигура в невероятно ярких одеяниях. Солнцезащитные очки на макушке (хотя погода не солнечная), на плечах хламида ярко-малинового цвета до колен – не то плащ, не то легкое пальто, джинсы и туфли на высоченных каблуках, сумка синяя болтается на плече и шарф всех оттенков голубого, плюс серьги, достающие почти до груди. В таком наряде может расхаживать одна ненормальная...

– Ксюша! – воскликнула Майя, раскинув в стороны руки.

Ксюша, смеясь, обняла подругу крепко, как умеет обнимать только она, после отстранилась и удивленно подняла брови:

– Мать, ты стала еще краше, просто куколка! А чего круги под глазами? А, понимаю: бурную ночь провела...

– Тише ты! Идем ко мне. Сто лет не виделись... Давно приехала?

– Я уже недели полторы здесь, – идя к лифту за подругой, поведала Ксения. – Не зашла, потому что все рвут на части, все хотят меня накормить и напоить, думают, пустыня – это барханы и нещадное солнце. По мне разве скажешь, что я голодала?

– Нет, – смеялась Майя. – Ты прекрасно выглядишь.

Она не лукавила, при всей пышнотелости, которая не по нраву городским бледным барышням, из Ксюши фонтаном било здоровье и лилась нескончаемым потоком энергия. У нее красивый загар, матовый естественный румянец, светящиеся карие глаза, толстые губы, накрашенные яркой помадой, в постоянной улыбке, а беспорядочные кудри короткой стрижки прыгают, будто живые. Никому в голову не придет, что она копается в земле, вытаскивая оттуда утраченную историю, спрятанную суровым временем. Скорее подумают, что Ксюша работает на вещевом рынке продавцом, но ей плевать, кто и что о ней думает. Прошлый раз она заявила прямо с самолета в рванье (рваных джинсах, такой же жилетке) и в выцветшей рубашке – бомжиха бомжихой, от нее шарахались здешние клерки. А ей пофиг!

По пути к кабинету Майя получила текст для ознакомления. Нана лично вручала листочки, так как никому не доверяла это дело, сделав предупреждение вместе с распоряжением:

– Подводки – туши свет, язык сломаешь, пока выговоришь. Новостные тексты тоже... Короче, Майя, сама сделай правку, чтобы звучало по-русски, вот флешка. Не забудь отпечатать, а то помнишь, как однажды комп вырубился?

В кабинете Майя включила компьютер и уткнулась в текст, а Ксюша, плюхнувшись на стул, огляделась:

– Этот кабинет ужас, что ли? Или я стала больше? Ну, рассказывай, Майка, как ты? По глазам вижу, с Борькой не

рассталась.

– Извини, сейчас не могу, – сказала Майя, не отрываясь от текста. – У меня эфир через десять минут, а тут много правки. Хочешь, завари себе кофе, чайник и все остальное на подоконнике за шторой.

– М-да... – вздохнула Ксюша, вставая со стула. – Придется самой за собой ухаживать. Ладно. А почему пишут плохие тексты? Возьмите другого писаку.

– Это не так просто. Наш главный редактор – предмет обожания шефа, ему нравится все, что она... Боже! Как тебе на слух? «Большая драка между бандформированиями на окраине города в районе Митюхино». И с ошибками, блин. Так, сделаем название проще: «Разборки на окраине», а в материале подробности.

– А если редактор оскорбится? – предупредила Ксюша.

– Она не слушает свои перлы. Ой, мне пора... – Майя отпечатала на принтере несколько листов и рванула к выходу. – Я побежала, не скучай.

Оставшись одна, Ксюша кинула пару ложек мелко смолотого кофе в чашку, залила кипятком и уселась за компьютер. Нашла игрушку – обычную аркаду и от нечего делать принялась в нее играть, запивая глотком неважного кофе. В кабинет влетела Снежана и застопорилась у двери с закономерным вопросом:

– Вы кто?

– Меня зовут Ксения. – Мельком взглянув на Снежану,

под завязку набитую высокомерием и презрением, она добавила: – Юрьевна. И я ближайшая подруга вашей коллеги Майи Смолиной.

Снежана прошла за свой стол, кинула сумочку, пробурчав:

– Посторонним у нас не разрешается находиться.

– Да что вы! Разве это секретный объект?

– Когда совершаются революции, обычно берут вокзал, почту и прессу. Да, наш объект не секретный, но важный информационный центр, отсюда меры предосторожности.

Услышав столь топорный и дурацкий намек на неблагонадежность гостыи, Ксюша бросила играть шариками, отодвинула монитор, ведь он загораживал Снежану, и, смерив ее насмешливым взглядом, успокоила:

– Если я решу брать ваш информационный центр, вам, милая, ничто не поможет.

– Я вижу, – кольнула ее Снежана.

– Вот и подружались, – улыбнулась ей самой доброжелательной улыбкой Ксюша, после вернула монитор на место и продолжила свое занятие, отхлебывая кофе из кружки.

Минут двадцать спустя вернулась Майя и как вежливый, воспитанный человек поздоровалась со Снежаной. Та не смогла выговорить приветствие, лишь еле заметно кивнула, сделав вид, будто страшно занята. На сегодня у Майи рабочий день закончен, что не могло не радовать. А бывает – не продохнуть: текст с нуля приходится читать, с одного эфира

на другой прыгать, интервьюировать умных и полных тупиц. От перегрузок часто садится голос. Она сделала знак Ксюше, указав глазами на дверь, та, разумеется, поняла, и вот через несколько минут обе дамы гуляли в парке, объятom осенним настроением.

Погода пасмурная, но данность не затушевала ярких красок, на которые не скупится осень. Женщины шли медленно по длинной аллее, обходя небольшие лужицы, похожие на разбросанные по асфальту зеркала, в которых отражалось стальное небо. На этот раз Майя не удосужилась послушать о пластах земли, скрывающих исторические артефакты, у нее куда прозаичней история, которая не терпела отлагательств. Нужны: совет, утешение, сочувствие и... что-нибудь еще, способное облегчить душу.

– Ну-ка, покажи фотки, – потребовала подруга.

– Нет-нет, даже тебе...

– Да брось ты эти условности, – перебила Ксюша. – Я большая девочка, у меня опыт круче, чем у тебя. Дай!

Майя нашла первый снимок, увеличила его, чтобы только головы были в кадре, и протянула смартфон подруге. Но Ксюша заметила мошенничество, вернула фотке первоначальный вид, не удивилась. Открыла следующее сообщение, потом следующее... и ни один мускул не дрогнул на круглом лице. А чему, собственно, удивляться? Она не прошла мимо очередной скамейки, села, жестом указала Майе присесть рядом. Все фотографии Ксюша не стала смотреть, вывод на-

просился сам собой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.